

Борис
Ширяев

ЛЮДИ
ЗЕМЛИ
РУССКОЙ

А л е т е й я

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Борис Ширяев

**Люди земли Русской.
Статьи о русской истории**

«Алетейя»

УДК 82-4
ББК 84(2Рос=Рус)6+63.3(2)

Ширяев Б. Н.

Люди земли Русской. Статьи о русской истории / Б. Н. Ширяев — «Алетейя», — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-906910-70-7

Один из самых видных писателей «второй волны» эмиграции Борис Николаевич Ширяев (Москва, 1889 – Сан-Ремо, 1959), автор знаменитого свидетельства о Соловецком лагере, книги «Неугасимая лампада», много и ярко писал на исторические темы. В настоящем издании впервые и максимально полно собраны его статьи по русской истории – от становления Древней Руси до послевоенной эпохи. Писатель ставил своей целью осветить наиболее важные моменты развития нации, защищая павшую Империю от критических нападок. Тексты, собранные из труднодоступной эмигрантской периодики, издаются впервые в России и сопровождаются научным комментарием.

УДК 82-4
ББК 84(2Рос=Рус)6+63.3(2)

ISBN 978-5-906910-70-7

© Ширяев Б. Н.
© Алетейя

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СТАТЬИ О РУССКОЙ ИСТОРИИ	11
Подвиг первомучеников за землю русскую	11
Венец и бармы Мономаха	14
Чудо Преподобного Сергия	17
Русская церковно-политическая традиция	26
Гибель Новгородской демократии	29
Зарождение Восточной программы	33
Вызволнение хлопской Руси	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Борис Ширяев
Люди земли Русской.
Статьи о русской истории

Составление и научная редакция *А.Г. Власенко и М.Г. Талалай*

В оформлении обложки использованы картины К. И. Горбатова «Невидимый град Китеж» (1913) и «Беляны» (1914)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того, чтобы лучше понять творчество Б. Н. Ширяева, его мировоззрение как человека, историка и писателя, нужно знать хотя бы основные вехи его яркой и насыщенной событиями биографии.

Борис Николаевич Ширяев родился в Москве 7 ноября 1889 года, а скончался в Сан-Ремо, Италия 17 апреля 1959-го. Он закончил историко-филологический факультет Московского университета, затем учился в Геттингенском университете в Германии, после чего вернулся в Россию и поступил в Императорское военное училище. В Первую мировую войну сражался в чине штабс-ротмистра 17-го Гусарского Черниговского полка.

После революции, пробираясь на Дон в Добровольческую Армию, был арестован большевиками и приговорен к смертной казни, но бежал за несколько часов до расстрела. После поражения Белой Армии был интернирован в Персию. Однако в 1922 году его выдали Советам, как он говорил, «за десять туманов» (официальная денежная единица в Персии), и вскоре опять приговорили к смертной казни, но заменили приговор на 10 лет заключения в новом концентрационном лагере, созданном на месте древнего монастыря на Соловках. Здесь он работал на лесоповале и сбивании плотов, а также участвовал в лагерном театре и писал в журнале «Соловецкие острова».

В 1927 году из-за переполнения лагеря заключение было ему заменено на пять лет ссылки в Среднюю Азию, где он работал деревенским сторожем и корреспондентом советских газет. По возвращении в 1932 году в родную Москву, Ширяев был снова арестован и сослан на три года в Россось. В 1935–1942 годах Ширяев жил в Ставрополе и Черкесске, преподавал там русский язык и литературу.

После оккупации Ставрополя германскими и румынскими войсками в августе 1942 года, Борис Ширяев стал редактором антикоммунистической газеты «Ставропольское слово», позже переименованной в «Утро Кавказа», распространявшейся по всему северокавказскому региону. Когда началось отступление немецких войск, Ширяев, получивший чин капитана Русской Освободительной Армии генерала Власова, попал в ее пропагандную школу в Дабендорфе под Берлином, а затем издавал газету для казачьих отрядов, вошедших в состав германской армии из антикоммунистических побуждений. В феврале 1945 года, он был командирован в Италию, где расположился Казачий Стан белого атамана П. Н. Краснова. Там он работал в газете «На казачьем посту».

После окончания войны и плена, Ширяев остался в Италии, сначала – в лагере для перемещенных лиц («Ди-Пи»), добывая себе средства для существования различными трудами, в частности, торговлей книгами и куклами.

Помимо монархической деятельности, писатель принимал участие и в политических организациях ветеранов-антикоммунистов. Сперва в рядах власовского «Союза Андреевского Флага» генерала Глазенапа, а затем в «Суворовском Союзе» бывшего командира 1-й Русской Национальной Армии Хольмстон-Смысловского.

В 1955 году Ширяев переехал в США, где давал показания о Катынских расстрелах на комиссии Конгресса и нашел работу в известном книжном магазине Камкина. Однако хорошо устроиться ему не удалось. В письме редактору газеты «Наша страна» Дубровскому от 26 февраля 1956 года Ширяев сетовал: «Живу я морально довольно одиноко, материально скверновато». Эту свою неудачу он приписывал политическим мотивам:

С меньшевиками я, не в пример прочим, сразу занял резко отрицательную позицию, что и послужило причиной моего неустройства в дальнейшем в США. Будь я иной, имел бы сегодня “джаб” на 400–500

долл, в месяц. Это очевидно. Донкихотства мною было проявлено более, чем достаточно, я его считаю принципиальностью. Вообще с людьми я стараюсь быть честным.

Не прижившись, Ширяев вернулся в Италию, где оставался до своей кончины в 1959 году. Такова краткая биография Бориса Ширяева. Что же касается его творчества, то, как писал в номере от 20 мая 1959 года редактор издававшегося в Нью-Йорке эмигрантского монархического журнала «Знамя России» Н. Н. Чухнов:

Будущие историки Зарубежья, литературные критики и библиографы оценят творчество незабвенного Ширяева и, вероятно, найдутся издатели, которые соберут из разрозненных комплектов всяких эмигрантских газет и журналов, включая и ротаторные, те алмазы, мимо которых мы, в толкучке нашей заграничной жизни, проходили, почти не замечая их. Во всяком случае, эти алмазы не обеспечивали покойному даже сносного существования. Ценить своих выдающихся людей мы никогда не научимся.

Ширяев печатался (как под своей фамилией, так и под псевдонимами А. Алымов, Н. Удовенко и Дрын) в целом ряде белоэмигрантских изданий, в том числе, кроме «Знамени России», в брюссельском журнале «Часовой», парижском «Возрождении», франкфуртском «Грани», калифорнийском «Жар-Птица» и в мюнхенской еженедельной газете «Голос народа», органе власовского Союза Борьбы за Освобождение Народов

России (СБОНР). Однако больше всего Ширяев сотрудничал в газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес), поскольку с ее издателем, Иваном Солоневичем, его связывала общность политического мировоззрения: Борис Николаевич был одним из руководителей основанного Солоневичем Народно-монархического движения. Свое кредо Ширяев выразил, например, в статье «Тропинки и путь» («Наша страна», № 108 от 9 февраля 1951):

Идея Российской Народной Монархии – не «экспортный товар». Она выношена всей жизнью многоплеменной российской нации, и я не представляю себе ни одного другого народа, способного воспринять и хотя бы частично реализовать ее. Для этого нужно иметь Дух Российской Нации: ее религию, ее историю, ее величие, ее падение, ее скорби, ее радости – ее трагически величавый путь во времени и пространстве. Доминанта Народной Монархии есть идея построения государства нового типа, чуждого в разной мере и сословной ступенчатости и партийно-парламентарной сословности. Она содержит в себе раскрепощение человеческой личности от кабалы сословных, экономических и партийно-политических групп.

Сие, впрочем, не означало, что Ширяев стал «народным монархистом» под влиянием Солоневича. Сам автор «Народной Монархии» признал это в статье «Совпадение идей»:

Когда я – в 1938–1947 гг. работал над своими книгами, у меня было ощущение «открытия Америки», которое в данном случае сводилось к попыткам поставить русскую историю «с головы на ноги»... Теперь выясняется, что ничего нового в этом взгляде нет: и Б. Башилов, и Б. Ширяев, и В. Рудинский пишут, собственно, то же, что писал и пишу я. Люди живут в Германии, Франции, Италии. Их, кроме Бориса Башилова, я никогда и в глаза не видал. И тем не менее, ход мыслей иногда совпадает до мельчайших деталей... Совпадение наших идей никак не случайное: эти идеи родились из одного и того же источника: из русской земли, насквозь пропитанной кровью.

Однако из всех авторов «Нашей страны», и даже из всех литераторов правой эмиграции, одному Ширяеву удалось выйти за рамки монархической аудитории. Его охотно печатали и демократы, и социалисты, и солидаристы: столь подкупающей была сила его таланта.

Солоневич называл Ширяева «самым выдающимся публицистом правой эмиграции» и 25 января 1952 года писал ему: «Я, как и прежде рад всякой Вашей строчке в газете – талантливой, компетентной, бьющей в цель. Очень рад, что издание Вашей книги Всеволод Константинович Дубровский, кажется, наладил – я тут совсем не причем».

Открыл Ширяева и издал его первые три книги редактор доселе выходящей в Буэнос-Айресе «Нашей страны» Всеволод Константинович Дубровский. Он влез в долги и за один месяц, начиная с 14 июля 1952 года, смог провести всю типографскую работу книги «Ди-Пи в Италии» (переиздана в России в 2007 г., изд. «Алетейя»). Причем пришлось самому каждый день работать в типографии, собственноручно делая корректуру и верстая страницы. Но игра стоила свеч – книга имела успех, тираж быстро разошелся, и на вырученные деньги Дубровский смог издать еще два сборника рассказов Ширяева из итальянской и советской жизни: «Я – человек русский» (1953) и «Светильники русской земли» (1953).

Благодаря Ширяеву, ставшему одним из первых заключенных и уцелевших на Соловках, в русскую литературу вошло описание жизни тамошних узников 1922–1927 годов, жизни, которая, несмотря на убийственные условия, определялась религиозным духом, исходящим из монастыря и монашества. В эту свою книгу «Неугасимая лампада» (1954) Ширяев включил уже опубликованные прежде произведения, изменив их названия. Например, «Горка Голгофа» (1953), рассказы о подвиге русских мучеников на Соловках, впоследствии, в 1981 году, канонизированных Русской Зарубежной Церковью, и «Уренский царь» (1950) о маленьком селе-государстве, оказавшем во время Гражданской войны сопротивление красным.

Немецкий литературовед Вольфганг Казак в своем «Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года» подчеркивает, что Ширяев – писатель-реалист, перерабатывающий в своей прозе то, что сам пережил или слышал. Действительно, все содержание его творчества тесно связано со странствованиями и мытарствами самого автора.

Наибольшей заслугой Ширяева, считает Казак, – является изображение Второй мировой войны с точки зрения русского патриота, который отвергает тоталитарную советскую систему и из соображений о пользе для своей нации готов сотрудничать с немцами. На самом же деле Ширяев, как и подавляющее большинство участников Русского Освободительного Движения 1941–1945 годов, стремились не сотрудничать с немцами, а *использовать* их для свержения советской власти. Они не сомневались, что после падения коммунизма, немцы не смогли бы долго продержаться в России.

Соратник Ширяева, многолетний сотрудник «Нашей страны» Владимир Рудинский (Даниил Федорович Петров) писал в очерке «С какой Германией были в Союзе?» («Наша страна», № 1733 от 8 октября 1983):

Руководящей же линией для всех российских антикоммунистов, работавших с немцами, являлось, безусловно, желание освободить Россию от большевиков (а потом и от немцев; если те, к концу войны, еще останутся на сцене в роли реальной силы), считая, – а разве это не верно? – что именно большевики и есть самое худшее, самое страшное для нашей отчизны (да и для всего человечества). Считать, что они ошибались? Но могли ли они рассуждать и поступать иначе? Стать на сторону союзников значило стать на сторону Сталина! А что получилось потом? Западные союзники отдали Советам Польшу (из-за которой начали войну!); балтийские государства (которым обещали защиту и покровительство); фактически, и Финляндию; центральную и восточную Европу; предали и сражавшегося за них Михайловича, и поддерживавшего их югославского короля; уступили Албанию и едва-едва

не подарили и Грецию (да вовремя одумались...). А там, потом, – Китай, Индокитай, Кубу, куски Африки...

Многие представители белого зарубежья и те, кто оказались на оккупированных территориях, не питая никаких иллюзий относительно «доброго Гитлера», но желая бороться с советским режимом и со Сталиным, которого они считали дьяволом, терзавшим их Родину, хотели с ним воевать и взяли оружие, откуда смогли. Очень многие из них заплатились жизнью за свое решение, практически все – свободой, выбором места жительства и трудоустройства. Но большинство этих людей, представители, как первой, так и второй волны русской эмиграции, были нравственными людьми и не искали своей выгоды. Для одних это было продолжение войны, начавшейся в 1917 году, другие впервые присоединились к этой борьбе. Они знали, на что шли, и готовы были оказаться не понятыми современниками, но интересы страдающего народа и государства российского ставили выше своей судьбы, до последнего вздоха считали себя патриотами России, не признавая, однако, советскую власть, не роптали о своей участи и не просили милости. Читая произведения Ширяева и его единомышленников, можно получить «из первых рук» уникальную информацию об этих людях и их непростых судьбах.

Роман «Кудеяров дуб» (1957–1958), в котором эта тема разбирается, представляет собой произведение, существенным образом отличающееся, например, от романа А. Фадеева «Молодая Гвардия», где рассказывается о событиях, очевидцем которых этот советский писатель не был, но подделывал их, подлаживаясь к партийной линии. Действие повести «Овечья лужа» (1952) происходит примерно в том же отрезке времени. Там описана, в частности, судьба одного преследуемого русского священника. Для Л. Ржевского это произведение является «по своим литературным достоинствам, равно как и по остроте и непререкаемой важности взятой темы, несомненной вершиной творчества этого автора... “Овечья лужа”, конечно, заслуживает отдельного издания и перевода на другие языки».

И «Кудеяров дуб», и «Овечья лужа», являются частью большой эпопеи, состоящей из пяти повестей и практически не имеющей аналогов в литературе русского зарубежья по широте охвата времени и событий. Начинается она с описания жизни обитателей небольших городков в Тульской области (откуда взято и название эпопеи – по имени местной реки – «Птань») дореволюционного периода. Их судьбы отслеживаются на протяжении нескольких десятилетий вплоть до конца Второй мировой войны (последняя повесть, «Хорунжий Вакуленко», осталась незавершенной).

«Птань», а также рассказы о жизни в подсоветской России (из сборника «Я – человек русский», впервые изданного в 1953 году издательством «Наша страна», а также из публикаций в малодоступной в настоящее время прессе русской эмиграции) были недавно переизданы в России петербургским издательством «Полиграф» и теперь доступны отечественному читателю.

Филолог и историк по образованию, приобретший большой преподавательский и журналистский опыт в школах и педагогических институтах в Ставрополе и Черкесске, и газетах и журналах в Средней Азии, а во время войны в Казачьем стане в Италии, Ширяев выработал удивительно цельный и самостоятельный взгляд на русскую литературу, как дореволюционную, так и эмигрантскую и подсоветскую. Свое мировоззрение он представил в уникальном пособии для итальянских университетов «Панорама современной русской литературы» («Panorama della letteratura russa contemporanea», Милан-Венеция, изд. Франческо Монтуоро, 1946), а также в многочисленных публикациях в эмигрантской периодике. Эти статьи о русской литературе Андрей Власенко и Михаил Талалай собрали в книге, названной, по одной из статей, «Бриллианты и булыжники» (изд-во «Алетейя», 2016).

Очередной сборник, также созданный трудами А. Власенко и М. Талалай, открывает читателю новую грань творчества Ширяева. В нем автор предстает в качестве публициста-историка, посвящавшего свои многочисленные и яркие публикации роли монархии в истории Рос-

сии, русской интеллигенции, и яростно боровшегося с искажениями всего положительного, что было сделано на протяжении веков монархического правления в России, так называемой «прогрессивной» демократической прессой, как в дореволюционной России, так и, позднее, в русском зарубежье. Большую ценность представляют отзывы и рецензии Ширяева на публикации историков-эмигрантов и, в первую очередь, – соратников по Народно-монархическому движению, которых Ширяев особенно ценил и труды которых мечтал увидеть доступными отечественному читателю.

Уже вышло в России многое из наследия И. Л. Солоневича, некоторые произведения («История русского масонства» и сборник статей «Русская мощь») Бориса Башилова.

Сейчас переиздаются труды самого Ширяева. Даст Бог, дойдет очередь и до других его соратников и единомышленников.

*Николай Казанцев,
редактор газеты «Наша страна»,
февраль 2017 г., Буэнос-Айрес*

СТАТЬИ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Подвиг первомучеников за землю русскую (940 лет со дня кончины свв. князей Бориса и Глеба)

«Невская победа (1240 г.) была одержана непосредственно помощью свыше», – пишет С. М. Соловьев и приводит далее свидетельство современника, ее летописца:

Был старшина в Земле Ижорской именем Пелгусий, которому было поручено сторожить неприятеля на море; Пелгусий был крещен и носил христианское имя Филиппа, хотя род его находился еще в язычестве; он жил богоугодно и сподобился видения: однажды, пробыв всю ночь без сна, при восходе солнечном услышал сильный шум на море и увидел, что гребет к берегу насад (боевой корабль), а посреди насада стоят святые мученики Борис и Глеб в пурпурных одеждах; гребцы сидят, как будто мглою одеты, и слышит он, что Борис говорит Глебу:

– Брат Глеб, вели грести, поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу.

Пелгусий рассказал о видении накануне битвы Александру Невскому; оно стало известно всему русскому войску и помощь первомучеников за Землю Русскую, как называет святых Бориса и Глеба летописец, выразилась в необычайной силе удара русских дружин па шведское войско и ряде совершенных русскими воинами замечательных подвигов, вплоть до атаки вражеских боевых кораблей русскими конными воинами, скакавшими на них по сходням, не спешиваясь.

Сообщение скупого на слова и строгого к передаче точности факта летописца при углубленном его анализе повествует нам и еще о многом. Ведь Пелгусий не был русским, но принадлежал к какому-то финскому племени, жил в среде язычников, на окраине Руси, оказавшей наиболее сильное сопротивление утверждению в ней христианства. Тем не менее, он *стерег Русскую Землю, служил русской государственности*, которую уже воспринял, и то, что он понял видение, узнал плывших по туманному морю *первых русских святых*, указывает на то, что он знал о них и до того, что их имена и лучи совершенного ими подвига достигали тогда даже этой отдаленной, глухой, населенной нерусскими племенами окраины Русской Земли.

Борис и Глеб Владимировичи были первыми святыми, просиявшими в Земле Русской и приобщенными Церковью к сонму святых, вопреки желанию возглавлявшего Киевскую митрополию, поставленного греками иерарха, но по требованию народа и главы молодого государства – князя Ярослава Владимировича Мудрого. Византиец не мог допустить мысли, что в среде «варваров», каковыми почитали русских чванливые греки, всего лишь через 27 лет по принятии ими христианства, могут возникнуть и быть возвеличенными Господом святые. Принужденный все же санкционировать открытие мощей, иерарх «устрашен бысть» свершившимися на его глазах чудесами, как свидетельствует тот же летописец, видевший воочию огромное стечение паломников к ним со всех концов Русской земли. Следовательно, весть о совершенном первомучениками подвиге с необычайной быстротой разнеслась по всей Русской Земле и произвела глубокое впечатление на все слои ее населения.

В чем же состоял этот подвиг, в чем был его смысл, какова была его направленность, как скажем мы теперь? Попытаемся ответить на этот вопрос, восстановив в своей памяти современную ему политическую обстановку Древней Руси. Борис и Глеб были младшими из числа двенадцати сыновей св. Владимира Равноапостольного, но, тем не менее, они были единственными *законными* его сыновьями с точки зрения христианской Церкви и морали, т. к. все другие были рождены от невенчанных с ним в церкви жен. Кроме того, они были единственными

же царственной крови по матери, т. к. предыдущие жены Владимира не принадлежали к владетельным фамилиям, да и сам он был рожден от несвободной Милуши, что, безусловно, компрометировало его в глазах современного ему общества. Ответ Рогнеды при отказе на брак с ним ясно подтверждает это:

– Не буду я разувать сына рабыни, – сказала гордая дочь владевшего Полоцком Конунга Рогвольда.

Кроме того, Борис был самым любимым сыном Владимира, получившим прекрасное по тому времени образование и любимым киевлянами. Владимир явно прочил его в наследники Великокняжеского престола, вопреки традиции, господствовавшей тогда, передачи его старшему в роде, вопреки тогдашнему представлению о легитимизме.

В момент скоропостижной, произошедшей при таинственных обстоятельствах, смерти Владимира¹, Бориса не было в Киеве – он начальствовал «большою» дружиной в походе против печенегов. Следовательно, в Киеве в распоряжении Святополка оставалась лишь «малая» дружина и киевское ополчение, которое ему не симпатизировало. Владимир, умирая, не назначил себе наследника, или его назначение было скрыто, но реальная военная сила, поддержка ее населением Киева, следовательно, все шансы на занятие Великокняжеского престола были полностью на стороне Бориса, о чем и заявила ему дружина, при получении известия о заговоре Святополка. Тем не менее, Борис отказался идти против него и отпустил свою дружину, оставшись лишь с горстью личных его слуг.

– Не подниму руки на брата моего *старшего*, – мотивировал он этот свой отказ, утверждая тем самым свое жертвенное служение принципу легитимизма, на котором в дальнейшем была построена вся русская историческая государственность. В жертву этому принципу он принес свою жизнь, и не слабость, но сила духа побудила его к отказу от борьбы за престол.

Были и другие причины этого отказа. Своею жертвенною смертью, неизбежность которой св. князь Борис вполне сознавал, он устранял возможность усобицы (гражданской войны), вредоносность которой для государства и нации он видел уже на примере своего отца и его братьев. Это он также высказал в своей прощальной с дружиной речи:

– Что обрели отца моего брата и отец мой? – говорит он об их распрях. – Где слава их и богатство, серебро, золото, роскошные пиры, быстрые кони и бесчисленные дани?

Новое, усвоенное уже первым рожденным в христианстве поколением русской интеллигенции, мировоззрение сочетает в себе христианскую мораль с политическим мышлением. Жертвенный подвижник св. князь Борис является первым провозвестником этого, а его племянник, Владимир Мономах, разовьет его мысли и изложит их в стройной системе в своем «Завещании» – морально-политическом трактате, рассматривающем властителя, как слугу государства и нации.

Эти концепции русской политической мысли того времени ни в какой мере нельзя считать заимствованными из Византии, как это, к сожалению, утверждают многие наши историки. Принцип легитимизма полностью отсутствовал в Византийской монархии, где почти каждый из базилевсов на пути к престолу шагал через трупы своих предшественников или соперников, и каждая ступень к нему была залита кровью. Этой византийской традиции следовал именно Святополк, получивший от современников заслуженное им прозвище Окаянный.

¹ Ширяев в конце жизни вновь обратился к фигуре св. Владимира, представив о нем доклад на одной религиозно-общественной конференции в 1956 г. К сожалению, авторский текст не сохранился, но осталась сокращенная его стенограмма, которая начинается так: «Народная память хранит черты своего равноапостольного князя: благообразный, щедрый, хлебосольный, добрый, справедливый – князь “Красное Солнышко”. Скандинавские саги рисуют нам нашего князя, как викинга. В результате семейных междоусобиц Владимир бежал в Скандинавию к дальним родственникам – Рюриковичам. Здесь и выработался его привлекательный образ смелого и честного викинга. Однако нас князь Владимир интересует как равноапостольный просветитель страны <...>; Ширяев Б. Н. Доклад о св. Владимире // «Жизнь с Богом»: Описание архивного фонда / сост. В. Е. Колупаев. Pro manoscritto. Seriate: «Russia Cristiana», 2009. С. 54.

«Первомучениками за Землю Русскую» назвал свв. князей Бориса и Глеба почти современник их, тоже святой, летописец Нестор. «За Землю Русскую»... И эту же «традицию святости» – стремление к обоснованию политических действий христианской моралью мы можем ясно проследить в дальнейшем в ходе всего развития монархической власти в России. В начале, в исходной точке этой линии сияют имена «мудрейшей из жен» св. Ольги и св. Владимира Равноапостольного. Далее блистают имена св. Александра Невского, св. Михаила Черниговского и ряда других, менее известных и менее чтимых, но все же причисленных к сонму святых, близких ко Господу русских князей и княгинь и, наконец, на последнем этапе этой временно прервавшейся линии светятся в ореоле мученичества за Землю Русскую имена мученика императора Александра II Освободителя, мученика императора Николая II и сына его, мученика же, отрока царственного Алексея. Утвердить причисление этих имен к сонму святых, в Земле Русской просиявших, – право и дело Церкви, но близость их ко Господу ясна и нам, простым, скромным мирянам.

Значение мученического подвига свв. Бориса и Глеба, обрекших себя добровольно на смерть «за Землю Русскую», во имя ее, было вполне понято их современниками и дальнейшим поколениям русских людей, русской национальной интеллигенции. Повесть об их убийстве дошла до нас в необычайном количестве: в 170 списках, первые из которых относятся к XVI в., а последние к XVII в. Следовательно, эта книга была очень широко распространена среди читателей Московской Руси и, вероятно, даже превосходила своею распространенностью жития всех других святых.

Почему? – можем спросить мы теперь, и с полной уверенностью ответить на этот вопрос:

Потому что она давала яркий, живой образец, идеал национально-патриотического мышления и сочетания его со Словом Христа, не только отвлеченно-мыслительного, абстрактного сочетания, но выраженного в действии, в политической и в личной жизни, вплоть до смертного подвига «за Землю Русскую».

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 21 июля 1955 г.,
№ 287, с. 3.*

Венец и бармы Мономаха

Вопрос о происхождении и времени прибытия на Русь исторической Мономаховой шапки и золотых барм (оплечий), ставших в дальнейшем вещественным символом Российской легитимистической монархии, мало интересовал наших либеральных историков. Они обычно довольствовались легендарными сообщениями поздних летописных сводов (XIV в. и позже), не потрудившись подвергнуть эти сообщения историческому анализу или хотя бы поверхностной критической оценке.

Эти сообщения повествовали, что Мономахова шапка и бармы были присланы внуку Ярослава Мудрого, князю Владимиру Всеволодовичу при его крещении его дедом по матери императором Византии Константином Мономахом. На получении этих даров во младенчестве основывалось как прозвище и имя этого князя, утвержденное за ним историей – Владимир Мономах. Однако, сам князь Владимир Всеволодович Мономах в начале своего знаменитого поучения уже косвенно опровергает эту легенду. Он пишет: «Аз, худый, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречен в крещении Василий, русским именем Володимер, отцем возлюбленным и матерью своею Мономах».

С. М. Соловьев так комментирует эти слова князя: «Мономах не было прозвищем, но именем, данным при рождении, точно таким же, какими были Владимир и Василий. Ярослав хотел назвать своего первенца внука от любимого сына Владимира – Василием в честь своего Равноапостольного отца, отец и мать же – Мономахом в честь деда по матери, византийского императора, происхождением своего сына от которого вполне естественно гордился князь Всеволод. О дарах, полученных при крещении от своего деда-императора и связанных с ними каких-либо династических правах или привилегиях, сам Владимир Мономах не пишет ни слова, хотя, казалось бы, должен был сообщить о них, поучая своих детей».

Тот факт, что сообщения о крестильных дарах, полученных от византийского деда приведены только в *поздних* списках, сам по себе уже наводит на некоторые сомнения в их точности. Ведь эти поздние списки прошли уже через руки нескольких переписчиков и, что еще значительнее, подвергались пересмотру и исправлениям нескольких «редакторов», кадры которых обычно заполнялись в домосковском периоде русской истории выходцами из самой Византии или подчиненных ее влиянию славянских земель, в силу чего и являлись проводниками византийских же религиозных и политических тенденций. Византия же на всем протяжении ее торговых и политических соприкосновений с Русью смотрела на нее, как на свою полуколонию или во всяком случае, как на варварское государство, входившее в сферу влияния Восточной Римской Империи. Свой авторитет, свое культурное превосходство над Русью она стремилась утвердить всеми путями. Не будучи в состоянии подчинить себе Русь воинской силой, византийские политики были вынуждены прибегать к другим средствам, в числе которых было и умышленное искажение русских исторических памятников. Так, например, явное влияние византийских «редакторов» заметно в летописном сообщении о крещении великого князя Владимира, где высокий духовный порыв Равноапостольного русского князя, приведший его к Истине Христовой, подменен чисто плотскими, низкими влечениями к вину и свинине, вкушать которые запрещали другие религии.

Аналогичная операция была, очевидно, проделана и с подлинными летописными сообщениями о прибытии на Русь венца и барм Мономаха, как «даров» слабому, ниже стоящему младенцу от его высокого, могущественного деда.

Эти сообщения поставлены в летописях под 1119 и 1120 гг., когда император Константин Мономах был давно уже погребенным, а русский Владимир Мономах был уже великим князем. Факт, который сам по себе уже наводит на большие сомнения.

Помещенный в полном собрании русских летописей Густынский летописный список дает ключ к разъяснению этого явного несоответствия. Густынская летопись прямо сообщает, что дары были присланы Владимиру Мономаху императором Алексеем Комнином, действительно занимавшим в это время византийский императорский трон, а не давно уже умершим императором Константином Мономахом. Эти дары состояли из креста Животворящего Древа, царского венца, сердоликовой чаши, принадлежавшей некогда Римскому императору Октавиану Августу, и золотых цепей с оплечиями (бармами). Они были доставлены в Киев особым византийским посольством, во главе которого стоял Эфесский митрополит Неофит, возложивший венец и бармы на Мономаха, именуя его при этом царем (кесарем), т. е. признавая за великим русским князем равенство с византийским императором, чему до того Византия ожесточенно противилась.

Встает вопрос: чем же была вызвана присылка столь ценных даров в сопровождении высокотожественного посольства, официально признавшего полный государственный суверенитет и могущество юной Руси?

Один, также замолчанный либеральными историками эпизод, дает нам вполне исчерпывающий ответ. Дочь Владимира Мономаха Мария была замужем за Леоном, сыном и наследником царствовавшего после Константина Мономаха императора Диогена. У них к этому времени был уже сын Василий, в будущем также законный наследник византийского императорского престола. Но занять престол зятю Владимира Мономаха, царевичу Леону, не пришлось. Его отец, император Диоген, был свергнут с престола патрицием и богачом Алексеем Комнином, как это было в обычае Византии. Царевичу Леону пришлось скрываться вместе с семьей, но будучи смелым и энергичным, он сгруппировал во Фракии и на Дунайской границе Империи своих сторонников и совместно с ними начал борьбу против узурпатора Комнина за свои законные наследственные права. Эта борьба велась Леоном не без содействия его тестя, русского великого князя Владимира, о чем свидетельствует тот факт, что в войске Леоны были половцы, призвание которых на Балканы не могло быть осуществлено без помощи Киевского Стола. Борьба Леоны развивалась вначале удачно. Ему сдались несколько дунайских городов, среди ко которых был значительный город Доростол, в котором царевич Леон и основал свою временную столицу. Его противник Алексей Комнин прибегнул тогда к также обычному в Византии средству борьбы – подослал к законному наследнику престола наемных арабов-убийц, которые и выполнили свое гнусное дело. Подобный акт не мог не возмутить благородную, проникнутую духом христианства и христианской государственности душу Владимира Мономаха. Он сам вступил тогда в борьбу за права своего внука Василия, начав последнюю в русской истории войну с Византией, совершенно замолчанную нашими либеральными историками.

Первые отряды русских воинов под начальством воеводы боярина Ивана Войтишича перешли Дунай и успешно действовали во Фракии, закрепив за юным наследником византийского престола несколько городов, в которых Войтишич утвердил своих посадников. Но уже захваченного греками Доростола отряду взять не удалось. Тогда Владимир Мономах послал за Дунай подкрепление, очевидно, уже более значительное, которым начальствовал его сын князь Вячеслав совместно с воеводою Фомою Ратиборовичем. Как протекала борьба этого отряда с армиями Комнина, летопись нам не сообщает, но, очевидно, что с переменным успехом: Доростола русским взять не удалось, но и Алексей Комнин был в свою очередь вынужден направить в Киев мирное посольство с богатыми дарами. Именно это посольство, *просившее у Руси мира*, шедшее на многие уступки и признававшее равенство русского великого князя византийскому императору, поднесло великому князю Владимиру, уже носившему от крещения имя Мономаха (которые, так называемые «князьи» имена, были обычны в то время), царский венец и бармы, ставшие в дальнейшем вещественным символом русской монархической власти. Следовательно, не даром от *вышних стоявших* византийских родственников были венец и

бармы Мономаха, но *трофеем русского оружия*, контрибуцией, взятой от побежденного противника, к тому же узурпатора, незаконно захватившего императорский престол, были они. Не униженно благодарить за них греков должны мы, но считать их принадлежащими нам, русским, по праву победителя, по праву защитника законности престолонаследия и легитимизма. Сознание этой исторической правоты и должно лечь в основу нашей национальной гордости.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 29 ноября 1956 г.,
№ 358, с. 5*

Чудо Преподобного Сергия (560 лет со дня кончины)

В преддверии

Мы привыкли упрощенно смотреть на наше прошлое и представлять его себе лишь во внешних, осязаемых формах, исходя из образцов современности. К этому приучили нас ходовые учебники истории, сообщавшие нам факты народно-государственной жизни, в большинстве случаев без связи предыдущего с последующим, отрывисто и почти всегда замалчивая психологическую основу, вызвавшую эти исторические акты действия народа.

Куликовская битва 1380 г., факт грандиозного значения народной жизни, нам рисуется приблизительно так: Великий Князь Московский задумал свергнуть иго Орды, разослал повестки меньшим князьям, произвел мобилизацию и, собрав под Коломной большое войско, двинулся к Дону. А там удачный маневр флангового охвата, проведенный воеводой Боброком, решил судьбу сражения, заодно и всей Русской Земли. Этой «мобилизации», предшествовавшей битве, в ходких учебниках отведено пять-шесть строк, и учившиеся по ним правы, рисуя ее себе лишь механическим и административным действием центральной власти.

Но представим себе народно-государственную жизнь Руси веков, предшествовавших Куликовскому Полю. Нам это будет теперь не так трудно сделать, ибо многое, очень многое из того прошлого осветит нам наша современность.

Государственность и культура южной Киевской Руси были разгромлены дотла. Вместе с ними был разбит и весь обуславливавший их строй народной психики. Веры в свои силы больше не было. Поработитель-татарин непобедим. Его властная воля подчинила себе все проявления жизни народа. Страх, один лишь страх живет в сердцах...

Русскому человеку дореволюционной эпохи было очень трудно представить себе эту картину всеобщего страха, утраты своего «я» целой нацией. Нам – легко. Мы это видели и видим.

Величие нации определяется не столь высотой ее взлета, сколь способностью встать, возродиться после сокрушившего ее удара. И вот, в темных лесах бассейна Верхней Волги, там, где укрылись наиболее жизнеспособные элементы разгромленной Южной Руси, где они выжили в условиях страшной борьбы с окружающим (нам это тоже легко теперь себе представить!), начинается процесс национального возрождения. Поколения, непосредственно пережившие ужас разгрома, отмирают. На смену им приходят последующие. Чувство страха уже ослаблено в их психике, в суровой борьбе со средой выковывается вера в себя, в свои силы...

«Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»².

Силы накапливаются. Этот процесс охватывает все население, все его слои. Золотые ефимки и серебряные гривны оседают в сундуках Ивана Калиты, но и смерду уже есть, что защищать и чем защищать, есть орало для перековки его в нужный момент на меч. Собирают свои силы новые крепнущие города; Москва сменяет деревянные стены на каменные. Вырастает из Кучкова поместья в национальный центр и стягивает к этому центру высшие ценности – сильных, свободных от оков страха, боеспособных людей. Летописи отмечают немосковское происхождение большинства общественных деятелей того времени: волынцем родом был первый московский митрополит Петр, посвященный в митрополиты Галичины, но самовольно

² Цитата из поэмы Пушкина «Полтава».

перенесший свой престол в Москву; выходцем из Чернигова был митрополит Алексей, ближайший советник детей и внука Калиты, устюжанином был его энергичный помощник Стефан, ростовским уроженцем – св. Сергей Радонежский, волынцем – воевода Боброк, и этими пришлыми людьми в жестокой борьбе с Тверью были утверждены государственный приоритет Москвы и первенство ее династии: они сохранили великокняжеский престол за *восьмилетним* Дмитрием Донским. Его дядя и предшественник, сын Калиты Симеон, по праву именовался Гордым. Он мог гордиться и шестью тысячами гривен (3.000 фунтов) серебра, которые *нашлись* в молодом и бедном княжестве для выкупа его из плена, и теми людьми, которые *нашли* их в его отсутствие. Осознание своей силы рвало оковы страха. Новые поколения уже чувствовали национальную гордость, что и легло в основу духовной мобилизации, взрывлившей русскую землю для посева идеи единого национального русского государства.

Эта идея была *прогрессивной, конструктивной, творческой*. Она вырастала на новой почве, в неизбежной борьбе с остатками пережитков, гнездившихся в реакционных уже по тому времени сепаратистских стремлениях мелких феодалов Твери и Ганзейских факторий Пскова и Новгорода.

От этого, предшествовавшего Куликовской битве периода, до нас дошло много договоров Московского центра с периферией – уделами. Часть удельных князей, как например, Белозерские, осознает уже великую национальную идею и добровольно входит в орбиту Москвы, другие, как например, Рязанские, яростно, в своих личных узкоместных интересах противятся ей, подтверждая свою антинациональность, антирусскость тесными союзами то с Ордой, то с Литвой Гедиминовичей.

Но подъем «Симеоновской гордости», укрепление национальной русской идеи неукротимы, ибо они народны. Если тверские сепаратисты поддержаны Ольгердом Литовским, то московские националисты в походе 1375 г. (за пять лет до Куликова Поля) идут на Тверь вместе с ратниками владимирскими, суздальскими, нижегородскими, ярославскими, костромскими, новосильскими, тарусскими, оболенскими и др. В том же составе борется московская рать и против Новгорода. Личный авторитет Великого князя не играет здесь роли. Дмитрий еще слишком молод и ничем себя пока не показал. Это народ, осознавшая себя нация, мобилизует свои силы для решительного боя за самоутверждение.

Куликовская битва не была первым, почти внезапным, столкновением Москвы с Ордой, как это рисуется при поверхностном взгляде на эпоху. Победа над Тверью, тоже периодически получавшей из Орды ярлык на великое княжение, позволяет Москве, обеспечив свой тыл, повернуться всей силой на восток. Поворачивается не одна Москва, с нею вся осознавшая себя нация. Это не только военно-политический, стратегический поворот. Это переворот в государственном мышлении народа, идейная революция. Феодалная раздробленность вытеснена национальным единством. Родовое представление о верховной власти уступает место легитимизму. Дмитрий вступает на престол не как старший Рюрикова рода, но как сын своего отца, будучи лишь восьмилетним, а в своем завещании уже вполне ясно формулирует новый принцип. В нем чувствуется уже дыхание Самодержавия. Родовые связи слабеют: на Куликово Поле вместе с Москвой идут смоленские, брянские и полоцкие Ольгердовичи, но рязанские Рюриковичи ей враждебны...

Зоркий Мамай – личность далеко незаурядная, смелый и ловкий политик, сам захвативший власть над Ордой – видит этот процесс и пытается его пресечь. Но поздно. Высланный в 1377 г. карательный отряд царевича Арапши еще успевает разорить нижегородскую землю, но более крупная экспедиция мурзы Бегича в следующем, 1378 г., разбита наголову у реки Вожи. Русским войском командует в этой битве Андрей Ольгердович, язычник, принявший православие, а позже – схиму. Таков дух века. После этой победы над татарами брат Андрея – Дмитрий Ольгердович добровольно примыкает к Москве, отдав ей свои Трубчевское и Стародубовское княжества, сам же едет ставленником Дмитрия Донского в Переяславль Залесский.

Идейная мобилизация национальной Руси выходит за пределы владений Рюриковичей. Близка к завершению и стратегическая, Мамай это знает и заключает союз с Литвой и крымскими генуэзцами. Концентрация сил закончена для обеих сторон.

Русская интеллигенция XIV века

Идея единого русского национального государства рождалась стихийно в толще всего народа; она была его общей, коллективной эмоцией, бродила в его чувстве. Смерд-землепашец воспринимал эту эмоцию от расчищенной, взметанной им лесной поляны, ставшей его полем. Вотчинник – от огороженного частоколом двора, удельный князек – взирая на первые каменные стены Московского Кремля, на крест его первого каменного собора. Все это, и «пал» смерда, и Кремль Великого Князя – была Русская Земля, общая, коллективная защита которой становилась осознанной всеми необходимостью.

Военно-административный аппарат великокняжеской власти осуществлял эту необходимость в своих политических и стратегических действиях. Он практически выполнял требования народного чувства.

Но кто же составлял промежуточное звено между нереальным, невесомым чувством и реальным, фактическим действием? Кто воспринимал первое, претворял его в твердые формы мысли и направлял ими второе – активность государства? Кто был этим мостом между народом и властью? Не только мостом, но и мыслительным аппаратом всего народно-государственного коллектива?

Летописи довольно ясно рисуют нам характеры первых поколений гнезда Калиты. Это были, прежде всего, твердые, упорные практики, трезвые, целеустремленные политики, работники военной неизбежности, но не мыслители, не герои, не воспаляющие на подвиг вожди. Они неуклонно и повседневно, буднично строили свое Народное Государство, так же, как смерд выкорчевывал и взметывал выжженный лесной участок, так же, как вотчинник ставил в бревенчатой ограде свои клетки и амбары.

Кто выполнял тогда функции современных философов, историков, публицистов, журналистов, художников – формовщиков мысли народа, его интеллигенции?

В. О. Ключевский в ответ на этот вопрос называет три имени: «присноблаженную троицу, ярким созвездием блещущую в нашем XIV в., делаая его зарей политического и нравственного возрождения Русской Земли» – митрополита Алексия, сына черниговского боярина, Сергия Радонежского, сына ростовского переселенца и святителя Стефана, сына бедного причетника из г. Устюга. Все трое не были коренными москвичами, но стеклись к Москве с разных концов Русской Земли. Все они принадлежали к различным социальным группам. Они были образованнейшими людьми своего века.

Про одного летописец сообщает: «всю грамоту добре умея». О другом – «всяко писание Ветхого и Нового Завета пройде». Третий – «книги гречески извыче добре». Все трое «возвеличены к святости» мнением народным и канонизированы Церковью.

Это были светочи, вожди русской национальной интеллигенции XIV в. В «Троицком Патерике» числится свыше ста учеников св. Сергия, также прославленных народом и причтенных Церковью к сонму святых. На какой же недостижимой для современного человека высоте стояла эта «элита» русской национальной интеллигенции XIV столетия, века всенародного возрождения и подвига! По терминологии современных персоналистов, эти люди стояли на высшей ступени «иерархии личности», приобщая свое бытие, свою направленность к служению высшим ценностям мира, духовно раскрывая свое «я». Это доступный человеку предел. Выше лишь Бог, Абсолют Добра, Любви, Красоты, Истины.

В. О. Ключевский сообщает, что за время 1240–1340 гг. возникло менее 30 монастырей, но в период 1340–1440 гг. – более 150, причем пятьдесят – треть их, основаны личными

учениками св. Сергия Радонежского. Следовательно, не страх, не приниженность и духовная бедность первых после разгрома поколений гнали людей в стены обителей, но нарастающее накопление их морально-психических сил.

Он отмечает и другую характерную черту этого массового всенародного движения. Прежние монастыри, строились близ городов, феодальных центров и центриков, словно боясь оторваться от них. Теперь иноки смело идут вглубь неведомых земель, несут Слово Божие, русский дух, русскую культуру и государственность, приобщая к ним новые племена. Их представление о «своей земле», «своем народе» неизмеримо шире отживших удельных верхов. Они уже не волынцы, не куряне, или путивляне, и, тем более, не древляне, не поляне или кривичи. Они – русские, и русская под ними земля! Они народны, национальны и прогрессивны в своем мышлении. От Соловецкой, убогой тогда, обители до славной Киево-Печерской Лавры! От валаамской купели до пермских глухих лесов! Едины в вере, любви и мышлении. Едины в целях и действиях. Они – духовный костяк нации. Создавая его, интеллигенты Руси XIV в. выполняли и выполнили свою миссию, свой долг перед народом. В этом их национальность, почвенность, истинность.

Русское иночество XIV, XV, XVI вв. чрезвычайно пестро по своему социальному и племенному признаку. Патерики и Жития повествуют нам о принявших постриг князьях, боярах, купцах, но равно и о простых «воинах каликах», «смердах»-крестьянах. Они рассказывают об уроженцах южной Руси, волынцах, черниговцах, ушедших на далекий север, о западных новгородцах, прошедших на восток за Пермь, за Волгу, и, наоборот, о северянах, устремившихся к святыням Киева и Почаева. В этом тоже черты всенародности этого движения. Достигая определенного уровня духовного строя, и князь, и крестьянин стремились приобщиться к иночеству. Предсмертное пострижение становилось тогда традицией Великих князей. Схима иноплеменника, бойца и полководца князя Андрея Ольгердовича не была выходящим из ряда вон явлением. Оно соответствовало духу века, в котором подвиг служения Родине и подвиг служения Богу гармонично сливались. Столь же созвучно духовному строю тех поколений было и «прикомандирование» св. Сергием иноков Пересвета и Ослябя к войску Великого князя Дмитрия. Можно предполагать, что таких было не два, а много больше. Ведь кто-то же служил молебны и обедни для этих 150.000 ополченцев? И где были эти служившие Богу, в первой, стадии битвы, при отступлении русских за линии своего обоза? Несомненно, они влились в ряды бойцов и вдохновили их на мощный контрудар. Так монахи – интеллигенты того времени, выполняли свои общественные и даже чисто военные функции.

Уходя на служение высшим, надпсихическим, духовным идеалам, они не порывали своей связи с жизнью всего народа, подобно отшельникам и столпникам, византийского Востока. Фиваида и Синай не заселялись мирянами, а в русской аскезе мирянин, по выражению В. О. Ключевского, «цеплялся» за уходившего в леса аскета и шел вслед за ним, оседая при его обители. Так народ шел за своей интеллигенцией по ее материальному и надматериальному пути. Она вела, он следовал и одному и другому примеру.

Пустынножительский подвиг учеников св. Сергия возглавляет титаническую творческую инициативность всего народа. Его ученик, знатный москвич Павел, по благословению, т. е. по совету-приказу Святителя, уходит в дикий Комельский лес, и там на реке Грязовце долго живет один «в липовом дупле, яко птица». Но получив там последователей и заложив монастырь, идет дальше вглубь страны и основывает вторую обитель – Обнорскую, на реке Нурме, за Вологдой. Другой ученик – Авраамий, – закладывает четыре монастыря на северной границе теперешней Костромской области. Эти монастыри с необычайной быстротой обрастают целыми «иночymi городками», а преподобный Кирилл создает на Белом озере целое «пятиградие».

Они – очаги духовной и материальной культуры. Обе эти формы прогресса плотно связаны и гармонично слиты в среде иноков-интеллигентов. Через 80-100 лет этот Кирилло-

Белозерский монастырь уже знаменит богатством своей библиотеки. Спасо-Андрониевский монастырь рождает замечательную школу художников-иконописцев. Из Кирилло-Белозерского источника общественной мысли вытекает мощное течение «заволжских старцев», возглавляемое мыслителем Нилом Сорским, стройная система религиозно-морально-общественного мировоззрения.

Так по национально осознавшей себя Руси грядет могучая армия ее народной, почвенной, религиозной *интеллигенции*. Впереди – сотни святителей и подвижников, а во главе их – Божий Угодник и Чудотворец русский – Святой Сергей Радонежский.

Светоч мысли и чувства нации

Первое жизнеописание св. Сергея Радонежского составлено диаконом Епифанием, его близким учеником, прожившим вместе со Святым 17–20 лет. Этот монах был высокообразованным человеком, много путешествовавшим, знавшим языки, талантливым писателем своего века. Написанное им житие – свидетельство очевидца, чем оно выгодно отличается от многих других жизнеописаний, составленных иногда через 100–200 лет после кончины святых и уже несвободных от неминуемо возникающей вокруг их имен легенды.

Св. Сергей, в мире Варфоломей, родился в семье выходцев из Ростова Великого. Там его отец был близок к князю, вероятно, знатен, но после переселения в село Радонеж, близ Москвы, живет просто: мальчиком Варфоломей гоняет коней на пастбища. Но он ходит и в церковную школу. Религиозное чувство владеет всей семьей. Позже отец, мать, два брата из трех и их племянник примут постриг. Но это будет позже, а пока отрок Варфоломей живет в народной толще и лишь стремление к чтению духовных книг выделяет его из общей среды.

«Наша страна»,

Буэнос-Айрес, 13 сентября 1952 г

№ 139, с. 4–6

* * *

Он уходит в пустыню, только освободившись от обязанностей сына, долга, который свято чтит, и уходит туда не постриженным иноком, но лишь готовящим себя к этой ступени раскрытия личности путем аскезы – преодоления низших эмоций, развития своей воли к добру.

Этот путь тяжел. Пошедший с ним в пустыню, в лесное уединение, брат не выдерживает и уходит. Варфоломей остается наедине с Богом.

Напряженная внутренняя борьба со злом неизбежна на пути аскета. Она сопровождается искушениями, видениями концентрированного в образе бесов зла. Не избегает их и Варфоломей, но характерно, что уже здесь народное чувство преобладает в нем над личным. Бесы являются к нему не в образах соблазнительных женщин или в виде обильной еды, как аскетам византийского Востока, но в виде литовских воинов, которые в то время очень часто нападали на московские земли и прорывались даже к самой Москве. Народу они были столь же враждебны, как и татары. Быть может, даже более.

Чувствуя себя подготовленным, Варфоломей принимает постриг от зашедшего к нему монаха Митрофана, но в монастырь не идет, а остается в одиночестве. Скоро к нему притекают другие, стремящиеся к тем же духовным целям. Образуется община объединенных мыслью и чувством, но это еще не монастырь: все живут розно, в своих «одриных хизинах», питаются каждый своим, и даже вступая меж собой в материальные взаимоотношения. Инок Сергей выполняет для других братий плотничьи и иные работы, беря за это плату. Но он сам настаивает на минимальности этого вознаграждения: он требует тех гнилых хлебных корок, которые никто уже не ест, он вводит свой труд также в область духовного совершенствования, преодолевая им

личную корыстность. Чисто русская черта. Позже она разовьется в широкое движение богомольцев-трудников и выкристаллизуется на Соловках в формуле: «В труде спасаемся». Народность этой черты столь сильна, что даже подсоветское безвременье не вытравит ее, но лишь перелицует в «трудовой энтузиазм», проявления которого очень часто совершенно искренни.

Община оформляется в монастырь, и инок Сергей единогласно избран игуменом. Но он всеми силами противится этому. Почему? Он видит во власти прежде всего *служение подвластным* и не уверен в том, что сможет выполнить его. Это представление о сущности власти рисуется еще в завещании Владимира Мономаха. Позже оно охватит всю духовную жизнь нации от «самодержавного служения» царей (вплоть до жертвенного подвига Царя-Мученика) до «мирской службы» деревенских сотских, «от которой отказа нет»... «послужить миру»...

Здесь следует отметить одну внешнюю, но очень существенную черту св. Сергия. Иконописная традиция изображает его обычно в образе иссушенного немощного старца-аскета. Это только символ. Жизнеописатель современник говорит ясно: «Силы в нем было на двух человек». Аскетический подвиг, скудное питание, лишения не отразились на здоровье этого русского богатыря духа и плоти.

Приняв бремя власти, игумен Сергей несет его во всей полноте. Здесь он также отражает дух века, прогрессивную направленность формирующейся нации. Полное единство – ее цель. Он первый вводит в русском монастыре общежитие, т. е. общее, коллективное хозяйство. Но это не «уравниловка». Параллельно организуется вся внутренняя жизнь монастыря, создается иерархия подвижничества. Исторический этап жизни нации-государства находит отзвук в аскетической общине, тесно с ним связанной, слитой.

Монастырь не отрывается от народной жизни. Слава св. Сергия растет и вместе с нею ширится и поток приходящих к монастырю со своими духовными, а порой и материальными запросами. Никто не остается без ответа, свидетельствует Епифаний, и эти ответы удовлетворяют приходящих. Будь иначе, их движение к св. Сергию не росло бы. Служение братии игумена Сергия преобразуется уже в служение прозорливца, высшего духовного советника.

Подвижник-прозорливец не ищет возвышения, расширения своего духовного авторитета. Он решительно отвергает все внешние иерархии: отказывается принять в дар от митрополита Алексия золотой наперсный крест, столь «нище и убого» одет, что пришедший издалека крестьянин отказывается признать в нем прославленного Святого, путешествует ради нужд народа только пешком, совершая очень большие переходы (Москва – Нижний). Он продолжает свой подвиг служения *человеку* во имя любви к нему, но растущий поток этих *человеков*, приходящих к нему в поиске любви превращает, расширяет ее в любовь ко всему *народу*. Тесная дружба, глубочайшее взаимное понимание и общая духовная настроенность связывают св. Сергия с двумя другими светочами духа: митрополитом Алексием и св. Стефаном, просветителем Пермского края, т. е. всего тогдашнего Заволжья. Их духовное созвучие сливается с чудом: они ощущают друг друга на расстоянии; жизнеописатель св. Сергия свидетельствует о взаимном поклоне св. Сергия и св. Стефана, находившихся за десять верст один от другого.

* * *

Дальнейшее раскрытие духовной личности Святого на пути подвига его *служения народу* оформляет этот подвиг в *служении нации-государству*. Творческие усилия национально организуемого народа выражаются в личной действенности его духовного подвижника в его общественном служении. Св. Сергей выполняет особо важные дипломатические поручения национального центра – Москвы. Так идет он пешим к ее непримиримому врагу Олегу Рязанскому и «кроткими глаголами», – повествует летописец, – этот «старец чудный» склоняет «суровейшего» князя на мир с нею. Но в нужных случаях подвижник применяет и всю силу своего морального авторитета: устанавливая справедливый мир между двумя враждующими в

Нижнем Новгороде партиями спорящих за власть в нем князей, св. Сергей своим святительским приказом затворяет все церкви города и принуждает этим спорящих к соглашению. Высший взлет подвига служения нации св. Сергия неразрывно связан, слит с кульминацией напряжений всей этой молодой еще нации в ее подвиге самоутверждения – Куликовской битве.

Всмотримся в стратегическую обстановку того времени и увидим, что шансы русских на победу были очень сомнительны. Войско Мамай численно превышало силы князя Дмитрия и, кроме того, включало в себя шесть тысяч лучшей тогда генуэзской колониальной пехоты с «огневым боем» (вероятно, артиллерией). С тыла неминуемо угрожал удар очень сильной литовской рати Ягелло, к которой безусловно присоединились бы державшие вооруженный нейтралитет рязанцы. Примкнувшие к Дмитрию брянские и смоленские Ольгердовичи были ненадежны в силу их родственных связей с Ягеллой. Не очень надежными были и новгородцы, спекулировавшие в своей политике на соперничестве родов Рюрика и Гедемина. Вдобавок ко всему этому еще не увядший ореол непобедимости татар. Стратегический штаб Москвы во главе с князем Дмитрием имел все основания колебаться и смотреть на сбор войск под Коломной только как на вооруженную демонстрацию, но не как на *волю к бою*, решающему судьбу нации.

Каково же должно было быть сверхчеловеческое напряжение личности, выразившей эту волю, принявшей на себя всю ответственность за жизнь и судьбу народа-государства-нации?

Этой сверхчеловеческой надвременной личностью стал св. Сергей Радонежский, Угодник Божий, Русский, Российский Чудотворец, благословляя на бой князя Дмитрия и тихо шепча ему: «Ты победишь».

В этот момент земного жития Святого его «прозорливость старца» восходит уже к «дару пророчества». Его личная человеческая душа сливается с духом нации, возносится вместе с ним над временем, над земной краткосрочностью жизни, выходит за предел доступного человеку разума. Происходит чудо. Начало его в убогой тогда церковке Свято-Троицкой обители. Конец, виденный современниками, – меж Доном и Непрядвой. Мы видим уже больше. Мы видим непрерывное творчество этого чуда жизни нации на протяжении 572 лет (1380–1952). Но и это еще не конец.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 20 сентября 1952 г.,
№ 140, с. 5–6*

«Маковица»

Сознание современного, ограниченного и размельченного рационализмом человека утратило живое представление о чуде Господнем, но его подсознание (или надсознание) жадно рвется к чудесному, пытаясь найти в нем освобождение, выход из замкнувшей его темницы материализма. Возникает поиск компромиссного, внебожеского получуда: в атеистическом Париже зарегистрировано 10.000 гадателей, ясновидящих, медиумов, магов и пр. Все они имеют заработок. Следовательно?

Б. К. Зайцев в своей замечательной работе о св. Сергии определяет чудо, как «победу сверх-алгебры, сверх-геометрии над алгеброй и геометрией школы», как подчинение известного нам *маленького* низшего закона закону *большому*, высшему, неизвестному нам. Против такого определения чуда вряд ли сможет возразить и сколь либо свободный в своем мышлении рационалист. Не может же он утверждать, что возможность познания человека ограничена школьным учебником? Но это еще не вера в Божеское чудо. Верующий сам, уважаемый Б. К. Зайцев, минует в своем определении (по непонятной для меня причине) основу чуда – Господню Волю.

Жизнеописатели св. Сергия повествуют о множестве чудес в земной жизни Преподобного. Одна часть их совершена по его молитве, при участии его воли. Эти чудеса *всегда* направлены к *благу народа*, пришедших к нему, к благу народа, но не к личному прославлению самого Преподобного. Таковы насыщение голодающих, открытие источника для потребности жаждущих исцеления больных и великое чудо воскрешения ребенка. Таковы его прозорливые советы и предсказание победы на Куликовом поле, давшее его благословению (одобрению) силу приказа, веления Божия, которого не мог уже ослушаться осторожный в действиях князь Дмитрий. Другая часть чудес совершается помимо его личной воли, без его просьбы о них, неожиданно для него самого. Таковы со-служение с ним Ангела Господня и явление ему Пресвятой Богородицы. Св. Сергей сам страшится этих проявлений Милости Господней лично к нему и требует от выдавших их вместе с ним молчания, тайны.

Внедрять в сознание понятие о *реальности* чудес Господних – дело служителей Церкви. Я же только суетный мирской журналист и позволяю себе лишь напомнить читателям, что этой *реальности* чудес св. Сергия верили Лесков, Достоевский, Лев и Алексей Толстые, Ломоносов, Менделеев, Ключевский, Павлов и ряд других сверхмощных, рационально мыслящих интеллектов, способных в своем мышлении шагнуть за узкие рамки рации, за «жалкие пределы естества», по выражению Н. С. Гумилева, также веровавшего.

О чудесах, произошедших по кончине русского национального чудотворца, повествуют записи Троице-Сергиевской Лавры и память народная. О них в иных выражениях говорят и историки. «Есть имена, – пишет В. О. Ключевский, – выступившие из границ времени, когда жили их носители, потому что дело, сделанное таким человеком, далеко выходило за пределы века... превращалось в народную идею; становилось практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом... таково имя Преподобного Сергия». Процесса этого превращения рации определить не в силах. Это тоже чудо, лишь не названное своим именем, хотя оно *реально* в своем выражении.

Житие Преподобного сообщает нам, что, отыскивая место для своего подвига, Варфоломей (еще не Сергей) избрал лесистый пригорок «Маковицу». В этом избрании было уже чудесное предначертание. «Видяху на том месте прежде свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху», сообщает летописец. На этом месте Преподобный строит свою первую убогую церковку во имя Пресвятой Троицы, как тоже указано выше. Здесь же он дает внушенное выше же благословение-приказ кн. Дмитрию и всей *первой всероссийской национальной рати*; страшный для дающего, судьбоносный приказ, определяющий всю дальнейшую жизнь нации.

Через 230 лет, в другой глубоко трагичный момент исторической жизни России, когда вся ее территория заполнена врагом и беззащитна, это освященное выше место становится тем центром, откуда идет излучение воли к жизни всей нации. Учет и пути развития этой воли духа недоступны методам и уровню рационалистической мысли. Сворачивается реальный процесс, идущий вопреки, в нарушение всех законов логики. Государство разгромлено до основания. Враги господствуют на всей его территории. Национальной власти не существует. Моральное состояние народа стремительно катится вниз, и в верхах, и в толще его. Полное разложение. Гибель неизбежна... Но горсть монахов и мужиков чудом (другого слова нет!) отстаивают обитель св. Сергия против организованного, обладающего техникой войска. Послания (прокламации) этих защитников последнего атома нации (число этих посланий, конечно, ничтожно... десятки... две-три сотни!) растекаются, по всей стране, несмотря на отсутствие путей и средств сообщения. Их воздействие на массы необычайно по своей силе... Воля нации возрождается. «Ничто» становится реальной решающей силой. Существует ли для подобного исторического процесса иной термин, кроме «чуда»?

Мы, современные, духовно раздробленные, размельченные люди, не хотим видеть чудес, творящихся в нашей текущей, повседневной жизни. Мы маскируем их от самих себя пошлыми формулами уже опровергнутых понятий. Будем честны и признаемся: немногие из нас осме-

лятся вслух назвать «Промыслом Божиим», «Его Волею», невероятные происшествия с нами самими, имеющие место в жизни почти каждого из нас теперь, в диком, кровавом хаосе наших дней. Мы говорим: «случай», «удача». Столь же боимся мы видеть чудесное и в жизни нашего народа, нашей нации. Но мы, жившие «там», *видели, знаем* и тайные моления, и скрытые свершения Таинств переодетыми «засекреченными» священниками и бурный взрыв религиозного чувства народа во время войны (охранительные молитвы в карманах красноармейцев, у меня хранится один такой список; возобновление храмов, их наполнение, крещение комсомолок, венчание фактических, но не венчанных супругов и т. д.). Побывавшие в Советской России иностранцы единогласно свидетельствуют об этом высоком, чистом религиозном подъеме. Советские газеты сообщили о массовом «мракобесии» – произошедшем в Саратове крещенском омовении *многих* в ледяной купели Волги. Все это – факты. Можно ли разъяснить их каким-либо рационально обоснованным законом, при сверхмощном, всестороннем давлении на религиозное сознание нации и при учете двухсотлетнего разложения этого сознания тоже всестороннюю «работой» «прогрессистов»? Волей-неволей приходится сказать – чудо!

Чудо и в том, что Сталин был *принужден* не только допустить молящихся в храмы, но восстановить религиозный центр Троице-Сергиевской Лавры – «Маковицу», чудесно возведенную Преподобному Сергию. Что из того, что приставленные к ней сторожа лживы и продажны? Но ведь притекающие не к ним, а к Святыням Русским, к «Маковице» Преподобного чисты в своей вере и молитве. В них – сила. Они стержень нации. В них дух ее, – он не угас. Не чудо ли это, чудо, длящееся в веках по молитве Игумена Русского Сергия?

«И в наши дни люди всех классов русского общества притекают ко гробу Преподобного со своими думами, мольбами, упованиями», – говорил В. О. Ключевский в день 500-летия кончины Святого (1892 г.). – «Этот поток внутренне не изменялся в течение веков, несмотря на глубокие перемены в строе и настроении, русского общества. Творя память Преподобного, мы пересматриваем свой нравственный запас, пополняем произведенные в нем траты». «Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся лишь тогда, когда мы без остатка растратим этот запас, не пополняя его».

Совершается ли сейчас этот пересмотр самих себя и пополнение самих себя в недрах российской нации?

Да, – можем ответить мы, *видевшие* внешние проявления этого непрерывного в шести веках чуда св. Сергия, ощущающие и творящие сами этот «пересмотр» в наших собственных душах, – духовная «Маковица» русского народного национального самосознания, чудесно воплощенная и оземленная великой любовью Игумена Русского Сергия, *стоит и будет стоять*, устоит, как устайвала против всех врагов, полонявших Русскую Землю всеми видами и формами зла. Устоит! «Инин видяху на том месте свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху». Чудо св. Сергия длилось в веках. Оно длится в наших днях. Оно – жизнь Народа Российского, Великого и Единого.

«Наша страна»,
Буэнос-Айрес,
27 сентября 1952 г.,³

³ Была опубликована итальянская версия этого очерка, уже после смерти Ширяева; см. *Sirjaev B. La rivoluzione di S. Sergio di Radonez // Russia Cristiana*, n. 6, 1961 (18). Думается, что название («Революция св. Сергия Радонежского») дал переводчик, а не автор.

Русская церковно-политическая традиция

«Воздайте Кесарево Кесарю, Божие – Богу», – ответил Христос на казуистически поставленный ему, чисто политический и в то время явно провокационный вопрос фарисеев. Обе Церкви, как Восточная, так и Западная, видят в этих словах Христа полное разграничение сферы духовной, вечной, Божеской от сферы материально-земной, тесно соприкасающихся и нередко трудноотделимых одна от другой в нашей грешной земной жизни. Таково разъяснение Истины слов Христовых в плане вечности.

Но ведь помимо вечности наша земная жизнь протекает и в плане материальной современности, и в этом плане слова Христовы содержали в себе также истину, но иную, устремленную не в вечность Духа, но во временность земного человеческого бытия, в его современность.

Восстановим в памяти историко-политическую обстановку того времени. Шел 33-й год нашей эры. Римская Империя, владевшая всем Средиземноморьем, готовилась к решительной и, несомненно, тяжелой даже для нее борьбе с могучим Парфянским царством, преграждавшим Риму продвижение на восток. Иудея и Сирия представляли собой стратегическую базу этой неизбежной для Рима войны, даже ряда войн. Но эта база была очень ненадежна, т. к. недавно еще покоренная Римом Иудея и примыкающая к ней Галилея и Сирия были для Рима пороховым погребом, подготовляющим фанатическое восстание и тем создававшим угрозу коммуникациям Империи на Востоке. Недаром Рим держал в этих незначительных по территории провинциях три легиона из шестнадцати регулярных – больше чем, например, в Галлии. Вспыхнувшая вскоре жесточайшая Иудейская война оправдала эту предусмотрительность римских стратегов.

Националистически-революционное движение иудеев возглавлялось в то время столь же политическими, сколь и религиозными организованными сектами, главным образом фарисеями, что с полной точностью разъясняет их вопрос Христу, как политическую провокацию, на которой они в дальнейшем, очевидно, хотели построить обвинение его перед Пилатом, как политического преступника, возбуждавшего народ к неплатежу податей Риму. Следовательно, истина ответных слов Христа частично содержала в себе и политический смысл, что дает нам право полагать, что не чуждавшийся всех, даже самых темных сторон человеческого бытия Христос (общение с мытарями, блудницами и т. д.) не чуждался в земном своем воплощении и политической жизни того времени. Отсюда Церковь не может и не должна игнорировать политику, как часть материальной, но вместе с тем и интеллектуально-душевной жизни паствы.

Русская православная церковно-политическая традиция подтверждает нам эту концепцию на всем протяжении истории государства Российского и в этом ее глубокое отличие от церковно-политической Византийской традиции. «Византийское влияние, – пишет В. О. Ключевский, – далеко не захватывало всех сторон русской жизни: оно руководило лишь религиозно-нравственным бытом народа, но давало мало указаний в деле государственного устройства». Однако с первых же лет по крещении Руси мы видим непрерывное воздействие русской Церкви, ее иерархов и святителей на государственно-политическую жизнь Киевской, а позже и Московской Руси, что проследим по основным вехам, предварительно отмежевываясь также и от западно-европейской католической церковно-политической традиции – приоритета церковной власти над государственной. Русская православная церковь не стремилась к подчинению себе государства, но и не подчинялась ему сама, как в Византии, тем не менее непрерывно и неуклонно воздействуя на политическую жизнь государства.

Вот краткий перечень подтверждающих фактов, сохраненных нам историей. Все без исключения русские летописцы, кадры которых составлялись только из числа иноков, не ограничиваются точным изложением протекавших на их глазах политических событий, но освещают

щают их морально и идейно, разъясняя политические акты волей Господней и обосновывая ею же главную для всех идею единства Земли Русской.

Киевские великие князья беспрерывно совещаются не только по религиозно-моральным, но и по политическим вопросам с Печерскими святителями Антонием и Феодосием и ясно, что пещеры этих светочей Русской Церкви были одновременно и морально-политическими центрами государственности того времени. Первый русский митрополит св. Илларион, избранный Собором русских епископов, без участия представителей Византийского патриарха (позже низложенный греками), представлял собой яркую политическую фигуру, ближайшего сотрудника единогодержавного русского князя Ярослава Мудрого.

На другом конце Руси владыки Новгородские беспрерывно принимали самое деятельное участие в политической жизни республики, регулируя борьбу ее партий, и подписи их неизменно стоят на всех чисто политических решениях веча. Св. Сергей Радонежский, создавший высокий образец пустынножительства, ни в какой мере не отрешался от участия в политической жизни молодого Московского государства, наоборот, провидя своим пророческим взором его будущее, он деятельно работал в современной ему политике, посещая пешком ради чисто дипломатических целей враждебных Москве Рязанских и Тверских князей, прекратил своим властным святительским словом княжескую распрю в Нижнем Новгороде и не только побуждал всю Русь того времени к борьбе за освобождение от татарского ига, но и *организовывал эту борьбу*, вовлекая в нее своими посланиями независимые от Москвы удельные княжества. К сожалению, эти послания были им писаны на бересте, вследствие чего не дошли до нас, но житие св. Сергея Радонежского, написанное его современником и ближайшим сотрудником, с полной достоверностью свидетельствует нам о религиозно обоснованной, но вместе с тем политической направленности этих посланий. Одновременно с ним и позже ближайшее и непосредственное участие в строительстве Московского государства принимают его митрополиты – Чудотворцы Московские. Начиная с Калиты и его преемников, они в гармоничном сочетании с политической княжеской властью вкладывают кирпич за кирпичом в храмину будущего царства Империи и закладывают религиозную основу ее политическому стержню – Самодержавию.

Колоритную политическую фигуру консервативного порядка представлял собою оппозиционер самовластию Грозного митрополит св. Филипп Колычев (знатного боярского рода). Вдохновителем реформ первого периода царствования Иоанна IV был протопоп Сильвестр, совершенно ясно очертанный нам историческими документами, «лидер» определенной политической партии того времени, что и послужило в дальнейшем причиной его падения. Столпом и твердыней национально-политического движения Смутного времени был патриарх Гермоген, замученный оккупантами-поляками, не как глава враждебного тогда католицизму православия, но как политический деятель, противоборствовавший утверждению их власти. Колоссальной политической личностью был и патриарх Никон, принимавший ближайшее участие вместе с царем Алексеем Михайловичем и его стратегическим штабом в подготовке и ведении войны за освобождение Малороссии и Белоруссии. О тесном слиянии и совместных действиях политической и церковной власти того времени ярко свидетельствует нам символический акт вручения наказа начальствовавшему освободительной армией воеводе от имени Пресвятой Богородицы, Домом Которой именовалась тогда Москва. Этот наказ лежал под ее Чудотворным образом в Успенском соборе и был оттуда вручен воеводе патриархом.

Разгром Московской Руси Петром Первым сломал и русскую церковно-политическую традицию. «Департамент духовных дел» и учрежденный Петром по лютеранскому западноевропейскому образцу, всецело подчиненный светской власти Синод был им же полностью отрешен от участия в политической жизни страны. О результатах этого трагического в жизни Российской нации разрыва говорить не будем, потому что они у нас перед глазами.

Итак, целый ряд крупнейших исторических фактов на всем протяжении жизни государства Российского и Российской нации свидетельствуют нам об участии русской православной церкви в их жизни и развитии. Ныне же, в смутные дни Российского безвременья и одновременно в судьбоносные для бытия нашей родины дни и часы, перед нами невольно встает вопрос:

– Допустима ли в нашей современности так называемая аполитичность Церкви, Православной Церкви Российского Зарубежья в целом и ее иерархов в отдельности, вне влияния той или иной «юрисдикции»?

Этот вопрос может быть поставлен от лица всего антикоммунистического зарубежья в целом, и в данном случае получает на него некоторый, хотя и уклончивый ответ признания советской власти властью сатанинской. Но нас, российских националистов и монархистов, волнует и другой, неуклонно следующий за первым вопрос:

– В какой же форме мыслят наши иерархи государственную организацию освобожденной и возрожденной России?

На этот неизменно встающий в нашей душе вопрос мы не получаем ответа. Не слышим мы и молитвословий о здравии и преуспейнии в благих делах *Наследника престола Царей и Императоров Всероссийских*, тех царей, рука об руку с которыми русская Православная Церковь строила великое государство и сквозь тяжкие испытания вела к благоденствию и духовному совершенствованию всю Российскую нацию в целом, что и составляло стержень русской церковно-политической традиции. Эту традицию мы отстаиваем в историческом плане и боремся за восстановление и утверждение ее в будущем.

*«Знамя России»,
Нью-Йорк, 23 декабря 1955 г.,
№ 134, с. 7–9.*

Гибель Новгородской демократии

Расцвеченная домыслами, вымыслами и не лишенным порой красоты поэтическим орнаментом сказка о новгородской вольности пленяла многие, очень многие умы русской молодежи минувшего века. Среди очарованных его мы встречаем имена действительно крупных людей.

Прославлению новгородской свободы посвятил свои лучшие строки поэт-декабрист Рылеев, но даже скинув его со счета, придется все же вспомнить, что созвучные строки мы найдем у Пушкина, Лермонтова и даже у столь трезво смотревшего на русское прошлое поэта, каким был граф А. К. Толстой. В их и многих других стихах звон набатного и, как свидетельствуют исторические документы, жиденького, легковесного вечевоего глашатая прекратился в мелодию гимна народной свободы.

Не отставали и историки, особенно те из них, кто был враждебно настроен к национально русской исторической традиции единовластия-самодержавия, как например, имевший шумный успех в свое время, легковесный, популярный, но не лишенный беллетристической талантливости Костомаров. Символом новгородского вечевоего колокола широко пользовались и политические деятели недавнего еще, памятного нам прошлого. В результате совместных усилий всех этих «властителей умов» в головах предфевральских поколений российской интеллигенции слагалось абсолютно неправильное, антиисторичное представление о развитии новгородской демократической республики и о ее гибели, произошедшей якобы по вине того же жупела всех российских прогрессистов – Самодержавия.

В XIV в., веке максимального расцвета экономического могущества Новгородской республики, ее территория намного превышала область носителя русской национальной идеи Великого Княжества Московского. О соотношении экономических баз обоих государственных образований и говорить нечего: Москва была бедна, Новгород был богат; Москва была вынуждена непрерывно расходовать все возможные для нее средства на выплату дани Орде, оборону и собственное строительство, – Новгород же непрерывно накапливал прибыли, пользуясь значительной безопасностью от нападений хищных кочевников: крымские и ногайские орды не достигали его, от Казани он был заслонен тою же бедной Москвою, а кроме того, обладал огромными колониями всего русского севера, жестоко эксплуатируемыми им, чего не имело Московское княжество-монархия. И все же в возникшей борьбе между двумя этими русскими государственными образованиями, монархией и республикой, республика пала, пала, как мы увидим, смрадно и позорно.

Гимназические учебники, формировавшие исторические взгляды предфевральских поколений российской интеллигенции, довольно скудно повествовали о новгородском вече, как о высшем органе управления этой республикой, о происходивших на мосту через Волхов локальных буйных схватках между различными группами его населения, о торговой и культурной связи Новгорода с просвещенным Западом, но давали очень мало сведений о подлинной социально-политической структуре самой республики и вытекавшей из этой структуры социально-политической ее жизни. Между тем новгородская, московская, суздальская, владимирская и псковская летописи того времени, исторические документы Польши, Литвы, Швеции и Тевтонского Ордена дают нам о Новгороде очень большое количество сведений, совершенно достаточное для того, чтобы представить себе полностью и всесторонне исторический быт этой крупнейшей республики Древней Руси.

Вся политическая структура новгородского государства была построена на принципе анархического по существу коллектива при полном отрицании и ярко выраженной враждебности к установлению какой-либо твердой, а тем более легитимистичной власти. Князь не был правителем Новгорода, но лишь наемником анархического коллектива, тщательно ограниченным во всех правах. В его обязанности входило лишь военное устройство республики

и отчасти суд, но и то и другое князь вел под строгим контролем «совета господ», фактически управлявшего обширным и богатым государством. Именно «совет господ» и был верховным правящим органом Новгорода. Он, а не народное вече, шумное и бурное по форме, но по существу не представлявшее собой сколь-либо значительной политической силы. Этот «совет господ» состоял из «степенных», т. е. пребывавших в должности высших административных лиц – посадника и тысяцкого, а также и из наличных бывших ранее посадников и тысяцких, которые автоматически входили в него. Число членов совета колебалось, но состав их был всегда однороден. В «совет господ» входили только представители высшего промышленного боярства, т. е. крупнейшие финансисты республики, державшие в своих руках и контролировавшие всю ее экономику. Таким образом «с течением времени все местное управление перешло в руки немногих знатных домов», пишет В. О. Ключевский, «из них новгородское вече выбирало посадников и тысяцких, их члены наполняли новгородский правительственный совет, который собственно и давал направление политической жизни». О каком же народоправстве или хотя бы всего лишь влиянии подлинной народной воли на политическую жизнь республики можно говорить при такой структуре ее правительства? Миф о народной вольности Господина Великого Новгорода – только сказка, созданная верхоглядами и недоучками.

Но политические побрякушки, подменяющие в представлении ограниченных умов подлинное волеизъявление народа, в новгородской республике существовали. В ней были и политические и социальные партии, состоявшие меж собой в сложных отношениях, очень похожих на нашу демократическую современность. Была также и «министерская чехарда» по типу современной Франции. Так, например, в XIII в. произошли 23 смены посадников, но это крупнейшее административное место – премьер-министра, по-нашему – занимали всего 15 лиц, принадлежавших к богатейшим фамилиям. Выбирались, смещались и вновь выбирались, причем политическая борьба велась между двумя крупнейшими «концернами» (говоря нашим языком), семьями бояр Михалка Степанича и Мирошки Незденича, один из которых вел за собой группу крупнейшей буржуазии, а другой опирался на массы демократической бедноты.

В дальнейшем периоде, в течение последних десятилетий самостоятельной жизни республики, ее политические партии приняли несколько иной характер. Одна из них, сохранившая в себе общерусское национальное чувство, склонялась к компромиссу и подчинению Москве на договорных началах. Другая, возглавлявшаяся богатейшей семьей Борецких с прославленной поэтами посадницей Марфой во главе, держалась крайнего космополитического сепаратизма и влекла русскую республику к подчинению религиозно и национально чуждому ей Польско-Литовскому государству. Следует отметить при этом, что сторонники слияния с Москвой опирались на неимущие слои, а космополитические сепаратисты – на правивший слой крупных финансистов, игравший тогда роль современной банковской системы.

Были и социальные партии. Вернее, они эпизодически возникали, служа подсобным оружием партиям политическим в наиболее острые моменты их борьбы. Новгородская летопись пестрит сообщениями о локальных мятежах Торговой Стороны (социальных низов), об анархических действиях народных масс, разграблении ими домов и складов боярских фамилий и обратно, о репрессиях правящего слоя, направленных к подавлению этих хаотических волеизъявлений бедноты.

Снова ставим вопрос: представляла ли собой новгородская вольность хотя бы тень подлинного народного волеизъявления?

Не общенародные стремления к благосостоянию государства, повышению жизненного уровня его населения руководили политической и социальной жизнью «вольного Новгорода», но исключительно личные, корыстные, хищнические цели были основными стимулами его внешней и внутренней политики. Как сходна эта картина с тем, что мы видим теперь в так называемом свободном мире...

И еще одно разительное, трагичное и для погибшего Новгорода и для существующих ныне демократий сходство – катастрофическое ослабление оборонных средств, неизменный спутник дряхлеющих, утративших свой национальный стержень государственных образований.

Оборонные средства Новгорода состояли из дружины, которую приводил с собой по договору избранный князь, небольшого количества нанимаемых в острые моменты иностранцев и новгородского ополчения, т. е. мобилизации неимущих слоев. Княжеская дружина не представляла собой значительной военной силы. Никто из обладавших крупной боеспособной дружиной князей размножившегося Рюрикова гнезда не шел, конечно, на малопривлекательную для него службу Новгородской республике. Иностранные наемники стоили дорого, и правящий строй, как и теперь, скупился на траты. Новгородское же ополчение, абсолютно не знакомое даже с примитивными основами военного дела, представляло собой порой многолюдную, но полностью хаотическую банду, также не являвшуюся достаточной для отражения врагов военной силой.

Результаты этого пренебрежения к организации собственной обороны ярки до смехотворности. При конфликте с Москвой в 1456 г. двести московских ратников под городом Руссой наголову разбили пять тысяч новгородских конных воинов, совершенно не умевших биться в конном строю. Этими воинами были ремесленники Торговой Стороны, кое-как вооруженные и посаженные на коней при неумении ездить верхом. Военная катастрофа была неизбежна и (цитирую Ключевского) «в 1471 г., начав решительную борьбу с Москвой и потеряв уже две пешие рати, Новгород наскоро посадил на коней и двинул в поле сорок тысяч всякого сброда: гончаров, плотников и других ремесленников, которые, по выражению летописи, от роду на лошади не бывали. Сражение произошло на реке Шелони, и четырех с половиной тысяч Московской рати было достаточно, чтобы разбить наголову эту толпу, положив тысяч двенадцать на месте». Почти все остальные новгородские ратники, как повествует та же летопись, были взяты в плен, уведены в Москву и расселены по линии Оки в качестве свободных крестьян. Некоторая часть этого полона пополнила московские кустарно-промышленные пригороды.

Но тот же В. О. Ключевский утверждает, что даже если бы военная мощь Новгородской республики стояла на должной высоте, то катастрофический конец этого государственного образования был бы все же неизбежным. Борьба централизованного монархического молодого Московского государства с экономически сильнейшей, чем оно, Новгородской республикой была главным образом борьбой идей: целеустремленной общерусской национальной идеи, с одной стороны, и космополитической идеи местного сепаратизма – с другой. Политические руководители Великого Княжества Московского знали, чего они хотят, видели, хотя, быть может, и не совсем ясно, будущее своей нации-народа и неуклонно, шаг за шагом шли к этому будущему. Они имели руководящую идею. И эта идея служила залогом их победы. Новгородская «вольность» этой руководящей идеи не имела. Вернее будет сказать, что коллективное управление Новгородской республикой не имело вообще никакого идейного багажа, но лишь личные, эгоистические интересы сменявшихся у кормила правления лиц и группировок, и эти корыстные интересы звучали в ударах вечевого колокола, воспетых, как призывы к свободе, нашими поэтами...

Мы не знаем законов исторического развития человечества и отдельных его социально-политических обществ. Но это не значит, что таких законов вообще не существует. Шаг за шагом мы идем к их познанию и, как мне думается, чего-то все-таки достигли в этом направлении. Исторический пример развития и гибели Новгородской республики невольно наводит нашу мысль на ряд сравнений и аналогий с текущей современностью. И тогда, как и теперь, в меньших масштабах, конечно, боролись две силы: сила целеустремленной, четко оформленной идеи, с одной стороны, и хаотическая безыдейность, моральная скаредность – с другой. Не то ли самое видим мы и теперь? Отбросим моральный критерий сравнения национальной

идеи Московского государства с идеей советского коммунизма красной Москвы. Отрицая и осуждая социал-коммунизм во всех его формах и проявлениях, мы все же должны будем признать, что политическая линия красной Москвы неуклонно направлена к определенной, четко оформленной цели, зверской, аморальной, но все же вполне ясной. Одряхлевшие, разъедаемые коррупцией демократии Запада этой цели не имеют и не видят, за исключением отдельных выдающихся политических деятелей типа Даллеса и Аденауэра. Но таких, к сожалению, немного и их голоса тонут в анархическом хаосе частных интересов.

Мы, русские националисты, как по эту, так и по ту сторону разделяющего нас железного занавеса, не состоим, к нашему счастью, молекулами демократического мира. Мы, к счастью, повторяю, отверженные им изгои, и счастье наше именно в том, что мы изгои, в силу обладания нами ведущей идеей воссоздания национального Российского надплеменного, надпартийного, надклассового государства. Только эта идея и может быть противопоставлена интернациональной идее красной Москвы и всего международного коммунизма. Она – положительный полюс борьбы, и в силу ее положительности конечная победа будет принадлежать ей. Пусть текущий день для нас сумрачен. Лучи рассвета уже брезжат.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 27 сентября 1956 г.,
№ 349, с. 7–8.*

Зарождение Восточной программы

Чрезвычайно глубокий по своему значению этап в развитии Российской нации-государства – взятие Казани и вовлечение средневожских татар в орбиту русской истории – принято рассматривать обычно, как блестящий, но обособленный эпизод. У изучавших отечественное прошлое в дореволюционные годы создавалось впечатление, что казанская победа не служила базой для целого ряда дальнейших событий, но была связана лишь с предшествовавшими ей, была ответом окрепшей России на татарское иго, своеобразной исторической мстостью бывшего угнетенного бывшему угнетателю, бывшего раба бывшему поработителю и, следовательно, имела своей конечной целью порабощение татарского народа.

Взгляд этот глубоко ошибочен. Казанский поход 1554 г. ни в какой мере не являлся актом мести, т. к. к тому времени отношения между русскими и татарами проэволюционировали и по своему характеру были чрезвычайно далеки от психологической ситуации периода, предшествовавшего Куликовской битве. Победа на Куликовом поле вырвала с корнем из русского народного сердца страх перед татарами, а вместе с ним и ненависть к бывшим поработителям. Об этом свидетельствует начавшаяся еще при Василии Темном и развившаяся при Иоанне Третьем иммиграция татар на Русь. Эти иммигранты, устремлявшиеся под высокую руку Великого князя Московского, были принимаемы в Москве не только с радостью и открытым сердцем, но с вполне реально выраженным дружеством. Мирзы и уланы, не говоря уже о татарских царевичах, получали поместья и целые города «на кормление», высокие должности при великокняжеском дворе и в армии. Так, например, активный татарский руссофил, дважды поставленный от Москвы Казанским царем, Шиг-Алей, командовал довольно долгое время всей русской армией в Ливонии, а татарскому царевичу Касиму с его ордой была пожалована Василием Темным целая область вокруг Мещерского Городка Рязанского княжества в качестве самостоятельного (автономного) удела. Она носила даже громкое имя «царства» Касимовского. Ее правители имели собственную армию, входившую отдельным корпусом в русское ополчение. Самостоятельность Касимовского «царства» русский посол при дворе Сулеймана Великолепного Новосильцев характеризует так: «Государь наш посадил в Касимове царевича Саиб-Булата, мечети велел устраивать, как ведется в басурманском законе, и ни в чем у него воли Государь наш не отнял». Полное отсутствие элемента мести в дальнейшем, после взятия Казани, подтверждается и наставлением митрополита Макария, посланным им туда православным иерархам, в котором он, митрополит, категорически запрещает им применять какого-либо вида репрессии по отношению к мусульманам и ни в коем случае не принуждать их к переходу в христианство. В каком государстве Европы того времени жесточайших религиозных войн мы можем увидеть что-либо подобное?

Историки прошлого столетия, а в особенности составители популярных учебников, полнотой игнорируют и общеполитическую обстановку того времени, в частности военную экспансию находившейся тогда в зените своего могущества Турции Сулеймана Великолепного. Экспансия этого молодого, крепкого и жадного государственного организма была направлена не только на запад – в Средиземное море и на Дунай, – но и на север. Крымское ханство уже входило, как вассал, в состав Османской Империи, пребывавшее в полуфеодальной зависимости Астраханское (Ногайское) ханство было всецело подчинено турецкому влиянию, и овладение всей линией Волги, следовательно Казанью, было не скрытым, но явным стремлением турецкой внешней политики. Турецкое влияние и даже турецкая военная сила энергично продвигались на северо-восток: в Крыму содержался постоянный гарнизон янычар, а казанская крепостная артиллерия была доставлена туда из Турции через Кафу. Следовательно, казанский поход не был локальным историческим эпизодом, но в международном плане был началом трехвековой упорной борьбы России с Турцией.

Те же либеральные историки приписывают казанскую победу всецело удачному взрыву казанских крепостных стен, произведенному иностранным саперным инженером, игнорируя тем деятельность московского «генерального штаба» того времени, как будто подобного мозга русской армии в то время вообще не существовало. Между тем, углубленное изучение источников совершенно ясно показывает нам, что орган, подобный теперешним Генеральным Штабам, существовал в правительстве молодого царя Иоанна IV, и что план похода и организация его были блестяще разработаны и осуществлены штабом. Во главе его стоял молодой тридцатипятилетний полководец князь Михаил Иванович Воротынский, получивший за свою деятельность в казанской операции высшее звание «слуги государева», специально учрежденное царем Иоанном. «Муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный», сообщает о нем летописец. Ближайшими к нему были князь Андрей Курбский, тогда еще двадцатичетырехлетний, блестящий кавалерист, как покажет дальнейшее, князь Петр Щенятьев. Значительную роль играл также неудачный правитель, но опытный полководец, свергнутый казанский царь Шиг-Алей.

Стратегическая подготовка казанской операции была начата за год до нее, в 1551 г., постройкой на правом берегу Волги укрепленного городка Свияжска – военно-продовольственной базы. Этапные базы меньшего размера между Москвой и Свияжском были созданы и снабжены по двум линиям – южной, через рязанскую окраину, и более короткой – северной через Владимир-Муром-Алатырь. Эти «станы» позволили московскому командованию впервые в русской истории взять всю экспедиционную армию полностью на государственное снабжение продовольствием.

Впервые в казанской операции было введено в бой и только что организованное воинство, первое русское регулярное воинство – стрельцы, прикрывавшие огневой завесой при обложении Казани установку русской артиллерии и осадных машин. Техника этих машин также заслуживает большого внимания. Летописец сообщает, например, об осадной башне высотой в шесть сажен, вооруженной десятью пушками и, что интереснее всего, сооруженной русским инженером Иваном Выродковым, который привез ее под Казань в разобранном виде и под прикрытием стрельцов собрал и установил в нескольких десятках саженей от главных ворот казанской крепости. Огонь этой башни, по словам того же летописца, вынудил казанцев отойти от основной линии обороны (главных стен) и построить сзади них вторичные, временные, конечно, менее сильные укрепления. Следует отметить также, что летописец упоминает лишь об *одном* иностранном «розмысле» – инженере, но перечисляет многих его русских «учеников». Говорит он также о том, что русская артиллерия действовала под Казанью очень хорошо, стреляли метко, в то время как необученные казанцы не умели пользоваться турецкими пушками: «Худо бияху и ничтоже сотвориша». Организовывал и командовал артиллерией боярин Михаил Яковлевич Морозов. Им, очевидно, и были подготовлены кадры хорошо обученных московских артиллеристов.

Первым вопросом, вставшим перед штабом при подготовке похода, было его время. Проводить операцию зимой было бы значительно легче в отношении преодоления переправ, бездорожья и трудностей доставки снаряжения, но зимнее время не позволило бы применить во всей полноте московскую военную технику: земляные работы были бы невозможны. Мнения разделились, как мы знаем теперь: Воротынский стоял за лето, Шиг-Алей за зиму. Победило мнение Воротынского. Вопреки утверждениям историков, сообщающих, что под Казань была погнана ополченческая толпа в сто пятьдесят тысяч человек, сам Иоанн IV напишет позже Курбскому, что под Казанью у него было не более пятидесяти тысяч, считая сюда и касимовских татар и татар-иммигрантов бывшего царя Шиг-Алея. Следовательно, можем предположить, что юный царь Иоанн повел под Казань не всеобщее ополчение, но отборное, обученное и снабженное высокой по тому времени военной техникой войско.

Вторая, также ускользнувшая от либеральных историков, военная проблема похода носила внешнеполитический характер. Штаб царя Московского вполне обоснованно предполагал, что Турция ни в коем случае не упустит из поля своего зрения казанский поход и, пользуясь крымцами и ногайцами, атакует с фланга экспедиционную армию. Для отражения этой атаки была заранее подготовлена сильная кавалерийская группа под командованием князя Петра Щенятьева. Предположения оправдались: 16 июня 1552 г. главные силы Москвы, во главе с царем Иваном Васильевичем, выступили в поход, а уже на следующий день было получено сообщение о том, что крымско-ногайско-турецкая армия перешла Донец и продвигается к Туле. Русская кавалерийская группа была тотчас же выслана для ее отражения и значение ее подчеркнуто тем, что командующим был назначен высший в армии – сам князь М. И. Воротынский. Татаро-турецкая армия достигла Тулы, осадила ее, и летописец сообщает, что первыми на штурм были двинуты *турецкие янычары*, но были отбиты тульским воеводой князем Темкиным. Получив сведения о приближении конницы князя Воротынского, турко-татары сняли осаду Тулы и бежали. Но князь Петр Щенятьев настиг их и уничтожил тридцатитысячный арьергард, что говорит о весьма значительных силах, предназначенных для флангового удара по русской армии.

Сам взрыв стен, для которого было использовано пятьсот пудов пороха, конечно, произвел очень сильное впечатление, как на татар, так и на русских, но далеко еще не решил исход штурма. Резня продолжалась еще пять часов в самом городе, сопротивление татар было отчаянное, и победа беспрерывно склонялась то на ту, то на другую сторону, требуя от русских крайнего напряжения. Это подтверждается тем, что царь Иоанн был вынужден двинуть в город свой последний резерв – личную охрану. Следует отметить и здесь, что техника взрыва (свечка, поставленная в бочку с порохом) вряд ли требовала особых знаний от инженера. Не только иностранцы, но и русские уже применяли ее. Зажигательный же шнур применен не был, а рытье подземной галереи проходило, очевидно, под непосредственным руководством того же князя Воротынского, который, установив контрподкоп со стороны города, доложил царю о необходимости немедленного взрыва: «Невозможно-де и до третьего часа мешкати».

Все это вместе взятое дает нам чрезвычайно яркую картину, характеризующую высокий уровень военной мысли Московской Руси, ее самостоятельности и независимости от иностранных наемников, которые выполняли лишь второстепенные технические функции, и то далеко не всегда добросовестно и удачно. Московскими полководцами была выработана не только соответствующая русской психике тактика, но и основы стратегии.

Дальнейшие события говорят нам о широчайшем размахе этого стратегического мышления правительства царей Московских и о его глубокой народности в смысле связи военных действий с общенациональной, уже назревшей в народной душе идеей, получившей в дальнейшем имя Восточной Программы, идеи, принятой к осуществлению первым царем Иоанном IV и доведенной до конечного результата последним Императором Николаем II. Завершению ее помешала революция.

Рассмотрим стратегическую обстановку, создавшуюся после взятия Казани. Вся средняя Волга, от Нижнего до Самары, перешла во владение Московского царства. Этот факт сделал неизбежным овладение и южной Волгой – Астраханью, столицей ногайской орды. Правый южный фланг широкого продвижения на восток был обеспечен. Но это продвижение намечалось не по южному пути, а по северному, пользуясь водной магистралью Кама-Чусовая. Переход Казани в русские руки открывал и эту дорогу, защищая ее от неизбежных фланговых ударов со стороны самой Казани и подчиненных ей финских племен среднего и северного Урала.

Это продвижение было начато походом Ермака, организованным и финансируемым не самим московским правительством, но крупнейшими промышленниками того времени, именитыми людьми Строгановыми. Факт, тоже заслуживающий большего внимания. Анализируя его, мы видим, что стимулы движения Руси на восток, за Каменный Пояс (Урал), были вызваны

к жизни не хищнической завоевательной политикой верхов русского правительства, но стремлением самого народа на восток. Движение, подобное великому переселению народов с востока на запад. В данном случае застрельщиками этого движения, его авангардом стали русские промышленники, народившиеся и крепнувшие русские капиталисты, но не служилый военно-дворянский слой. Эти промышленники и вольные исследователи новых земель, получившие имя землепроходцев, по собственной инициативе шли впереди государственной администрации и сопутствовавших ей военных сил. Именно они рубили и ставили новые города и городки, после чего центральное правительство посылало туда воевод и гарнизоны стрельцов и служилого казачества.

Продвижение на восток шло в необычайно быстром темпе, что также доказывает его глубокую народность гармонию государственных и народных интересов, вернее учет государством потребностей народа, т. е. осуществление им национальной задачи, национальной проблемы, национальной идеи, уже вызревшей в массах.

Первого сентября 1582 г., всего через тридцать лет после взятия Казани, отряд Ермака выступил в поход, в 1586 г. была уже основана Тюмень. В 1587 – заложен Тобольск. В 1592 – Березов и Обдорск, почти на берегах Ледовитого океана. В 1604 – Томск, а через неполных два десятилетия мы видим русских землепроходцев уже на Амуре и на берегах Тихого океана. Это были вольные люди, действовавшие по своей собственной инициативе и побуждаемые к совершенным ими подвигам стимулами, выношенными в народной душе! Цари Московские сумели понять это, организовать хаотический порыв и укрепить его в русле, окончательный фарватер которого представлял законченный Государем Императором Николаем Вторым Великий Сибирский путь, прокладка которого прошла почти незамеченной в среде тогдашнего русского либерального общества, о чем свидетельствует в своей прекрасной книге «То, чего больше не будет» честная А. В. Тыркова-Вильямс. Огромные пространства Сибири с легкой руки спекулянта на поэзии Н. А. Некрасова были представлены русской интеллигенции, как гиблое место, царство кнута и произвола, как сплошная каторга.

«Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак!»⁴

Этим ошибочным, лживым взглядам мы обязаны непопулярностью русско-японской войны в широких массах, ее неудачам и вытекшей из них революции 1905 г., «генеральной репетиции» Октября, как говорят большевики.

Но подлинный дух народа во много раз мощнее мелочных душонок хаятелей своего отечества, а ход истории принимает иногда неожиданные парадоксальные формы. Страна кнута и произвола, место каторги и ссылки концентрирует в себе теперь усилия и надежды тех, кто был туда некогда сослан и их ближайших потомков.

Коммунистическая клика варварским, бесчеловечным способом, но все же активно разрабатывает богатства Сибири, национальные богатства России, заселяет ее необозримые площади. Что скрыто в сердцевине этого факта? Не победа ли духа народа, его исторических стремлений над чужеродными убогими мыслишками прогрессивных пошляков? Не подтверждение ли глубокой национальности Восточной Программы, последовательно осуществлявшейся всероссийскими царями и императорами, к продолжению которой вынуждены прибегнуть их враги, подчиняясь давлению изнутри, из массы народной? На этот вопрос нам ответит история и, быть может, в недалеком уже будущем.

«Наша страна»,

⁴ Цитата из поэмы Некрасова «Русские женщины».

*Буэнос-Айрес, 18 октября 1956 г.,
№ 352, с. 4–5.*

Вызволeние хлопской Руси

На пепелище Руси Ярослава

Переяславская Рада, утвердившая воссоединение южной и северной частей раздробленной монгольским нашествием единой Руси Владимира и Ярослава, нам обычно рисуется так.

Собрались в Переяславле лихие, усатые полковники, сотники и казацкие судьи; вышел к ним батько-гетман, мудрый Богдан-Зиновий Хмельницкий, стал под бунчуком, поклонился казацкому братству и сказал свою историческую речь, а в ответ единым голосом воскликнули, выхватив свои острые, кривые сабли лихие полковники:

- Волим под Царя Восточного, Православного!
- Все ли так соизволяете? – спросил старый гетман.
- Все! – прогремел единодушный ответ.

Так рассказывают нам об историческом акте, свершившемся 8-го января 1654 г., страницы ходких учебников. Так парадно, стройно и торжественно представляют его нам авторы исторических романов, так рисуем его и мы самим себе.

Но последние седые бандуристы и теперь еще поют на полтавских и нежинских базарах:

- Богдане, неразумный гетмане!
- Ты предав Украину панам да прелатам...

А ведь песня – хранилище народной памяти. Где же правда?

Как родилось, где и почему возникло это противоречие?

Заглянем вглубь веков и попытаемся разгадать его, сопоставляя не только дошедшие до нас записи того времени, но и анализируя их при помощи нашего теперешнего опыта, опыта, данного нам пережитыми нами годами. Многому они нас научили.

Что представляла собой современная Украина в первой половине XVII в., в то время, когда она не носила еще этого названия, но хранила и отстаивала грудь свое прежнее родовое имя – Русь? Ведь впервые именуется она Украиной лишь в Андрусовском договоре 1667 г., да и то в качестве *польской* пограничной провинции.

Юго-западная Русь, простиравшаяся от Днепра до Сана, Русь Малая, Русь Белая, Русь Червонная, Русь Галицкая, Русь Волынская, Русь Подольская – Русь Владимира и Ярослава, ставшая Украиной – окраиной ополяченной Литвы и тогда лишь возрождавшаяся на пожарище татарского погрома; подлитовская Русь, беспрерывно принимавшая на свою грудь жестокие удары то крымских и турецких орд, то литовских и польских полков, истекавшая кровью в этой борьбе, но неустанно боровшаяся за то, чтобы остаться русскою Русью...

...Левый берег Днепра почти пуст. Нет еще ни Харькова, ни Чугуева, ни Белгорода. Лишь по прибрежной полосе его среднего течения ютятся небольшие городки – Переяславль, Кременчуг, – а дальше, на восток, до самого Дона раскинулось Дикое Поле, где бродят только хищные ногайские шайки, меряясь силами с ватагами донских казаков.

Юг – басурманский, крымско-турецкий, вплоть до самого Запорожья, куда на остров Хортицу стекаются буйные головы со всей Руси, где нет ни панов, ни крулевских жолнеров⁵, откуда нет выдачи бежавшему из магнатской неволи хлопцу.

Остатки Руси, уцелевшие после татарского погрома, медленно возрождаются только на правом берегу Днепра. Остатки? Но как же назвать их иначе? Ведь путешественник Плано Карпини, побывавший в Киеве через полвека после Батые, нашел на его пожарище только 200 жилых домов и одну церковь, а при Ярославе там было 400 церквей, и 8 базаров... Недаром

⁵ Польск.: *żołnierz* – воин, ратник (крулевский, т. е. королевский).

же иноземцы считали Киев того времени вторым после Константинополя городом Европы. Конечно, только остатки. Но и они населены рабами. Вся страна во власти нескольких феодальных династий. Часть их – иноверцы, католики. Таковы магнаты Потоцкие, Конецпольские, Любомирские. Другая часть – православные магнаты: Острожские, Кисели, Вишневецкие. Но и те и другие – великие паны, сенаторы Речи Посполитой, республики Польской, абсолютные властители над жизнью, смертью и имуществом десятков тысяч своих подданных, судящие их своей расправой, облагающие их податями по своей воле, содержащие в своих крепких замках полки гусар и драгун и держащие в повиновении множество примыкающей к ним мелкой русской и польской шляхты. Они – сила! Что им король в Варшаве? Республика обеспечивает им полный разгул шляхетского своеволия. Ведь любой шляхтич имеет право отвергнуть на сейме приказ короля своим единоличным вето, не говоря уже о могущественных князьях и сенаторах, сопровождаемых на сейм своими полками...

Между вольною полноправною шляхтой и поработанным ею крестьянским «быдлом» – тонкая прослойка лично свободных, но далеко не равных в правах шляхте «реестровых казаков», объединенных в несколько полурегулярных полков. Число их изменчиво: то шесть, то десять, то двадцать тысяч. Они свободны от панских поборов, но обязаны воинской службой государству, республике. Без них ей не обойтись. Они принимают на себя первые удары турецких и крымских орд. Но они и страшны самой Республике, т. к. они – сила, которая в любой момент может стать против нее. Вот почему так колеблется их число: придет нужда – король и паны увеличат реестры, минует – снова убавят. Только они и именуются казаками, а остальное население – Русью. Само слово казак имеет не национальное значение, но выражает род военной службы, равно как драгун, гусар, улан. Республика не боится военных потерь реестрового казачества. Пополнения всегда найдутся. Неволья русского хлопа бесконечно тяжела, и он готов любой ценой заплатить за возможность вырваться из нее, что дает запись в реестр.

По временам вспыхивают народные восстания. Страшны и жестоки эти бунты. Доведенные до пределов отчаяния хлопы собираются толпами и жестоко громят панскую шляхту. Но стянут свои полки магнаты – и побита мужицкая русская рать... Страшнее бунтов расправа: на тысячах кольев корчатся восставшие хлопы, а их вожди варятся в котлах...

А реестровые казаки? Мы видим их во время этих восстаний то в одном, то в другом лагере. Привилегированные по сравнению с мужиками реестровые казаки далеко не всегда переходят на сторону «быдла». Чаще они остаются верными Республике и панам. Они не хлопы, но не полноправная шляхта. Они – военное сословие, служащее польскому королю под началом шляхтичей сотников и магнатов полковников и воевод. Знаменитый князь Острожский, православный сенатор, ведет их на бой против Московского Православного Царя и, попав к нему в плен, отказывается от предложенной ему высокой службы в Москве. Он предан своему иноверному королю. Он знает, что там, в этой королевской Республике, полный простор его панскому своеволию, его безудержному грабежу. Он, князь Острожский, сначала пан и сенатор Речи Посполитой, властитель десятков тысяч своих русских православных рабов, а потом уже сам русский и православный, которому, однако, православная Москва не с руки: ведь в ней тогда еще не было крепостничества, а столь тяжелого, как в Польской Республике, не было даже и позже в самые мрачные периоды. Казнь хлопа и даже сотен хлопков республиканским паном в воспринявшей культуру Запада Польше – обычное и дозволенное ее законами дело. А в России мы знаем лишь единичные случаи того же порядка, которые рассматривались как беззаконие и карались властью Царя. Кодекс бытовой морали того времени – «Домострой» Сильвестра со всею силою восстает против барского самовластия и жестокого обращения с кабальными.

Если князья Острожские, создатели киевской Академии и защитники православной церковности, относятся отрицательно к национально-русской Московской монархии, то каково же может быть отношение к ней со стороны остального панства и шляхетства южной Руси?

А хлопская, крестьянская, подневольная южная Русь?

Она-то с надеждой смотрит на Царя Восточного, Православного. Она-то шепчет: «Волим под его высокую справедливую руку»...

Обычное дело в республике

Началось с пустяка, с мелкого, повседневного в те времена происшествия. Шляхтич Чаплинский налетел со своей дворней на хутор Субботово шляхтича Хмельницкого, разграбил его, перебил слуг, самого пана Богдана-Зиновия продержал четыре дня в кандалах и, пользуясь покровительством магната Конецпольского, завладел его поместьем. Заурядное в Польской республике дело.

Хмельницкий подал в суд, но могучий покровитель Чаплинского, пан Конецпольский, не дал своего клиента в обиду. В ответ на жалобу Хмельницкого, Чаплинский заporол его сына плетью на Чигиринском базаре и попытался снова схватить самого Хмельницкого. Но тому удалось отбиться и бежать в Запорожье.

На что же рассчитывал шляхтич Хмельницкий, обращаясь к суду? Мог ли он не знать республиканских порядков, при которых в судах неизменно побеждал сильнейший, и справедливость оказывалась попорченной? Богдан-Зиновий Хмельницкий не был простым, темным казаком. Он сам был шляхтичем, даже не рядовым, а повыше – владел крупным поместьем. В юности он учился в иезуитской коллегии, свободно говорил по-латыни, слагал вирши по шляхетской моде того времени, знал и другие языки, т. к. успел побывать пленником в Стамбуле и свободным в Западной Европе: в Вене, в Пруссии и даже в Голландии. Западноевропейские понятия им были, несомненно, усвоены, и отражавшая их польская феодальная система была ему не только понятна, но и близка. Послужил он и при польском дворе, был даже близок к королю Владиславу, выполнял его тайные поручения.

Заветной мечтой этого короля, пламенного католика, был крестовый поход на турок. Но мало реальной силы было в руках «избранных народным хотением» королей Польской республики. Владислав располагал лишь несколькими тысячами немецких кнехтов, нанятых на приданое его жены. Магнаты же и шляхетство крестового похода не хотели, боясь усиления власти короля в случае победы.

У Владислава оставалась лишь одна надежда... на подъяремную кабальную Русь. Там, кликни король клич, объяви он свободу хлопам, вышедшим с ним в поход, – и двести тысяч войска стечется под его стяг, как стеклось позже под знамя Хмельницкого. Именно это дело – подготовка к мобилизации приднепровского русского крестьянства в войско польского короля, вопреки интересам и желанию магнатов, сблизило в 1647 г. короля Владислава и шляхтича Богдана Хмельницкого, связало их общей тайной. Через Хмельницкого велись тогда переговоры с Запорожьем, через него же были посланы туда 60.000 злотых на снаряжение сотни морских «чаек», легкого флота для крейсерства при турецких берегах Черного моря и пресечения морской связи Турции с Крымом и Дунаем.

Позже эта служба была поставлена в вину Хмельницкому, но пока она давала ему покровительство короля, важную должность войскового писаря и даже жаловано королем высокое звание Запорожского гетмана, правда, лишь номинальное, т. к. фактически Сечью управляли кошевой и куренные атаманы.

Вот почему Хмельницкий мог рассчитывать на победу в своей тяжбе с Чаплинским. За тем стоял магнат Конецпольский, за ним же – король, тот король, который на тайном свидании с ним подарил ему саблю с недвусмысленным советом обнажить ее против магнатов. В Московском царстве подобное было бы невозможно, немыслимо, но в республиканском королевстве Польском натравливание одной части населения на другую было обычным политическим приемом всецело зависевшей от сейма высшей власти. Принцип – «разделять и властвовать» – вполне естественным и логичным методом короны, т. к. она сама, передававшаяся по выбору,

была участницей в партийной борьбе и далеко не всегда выходила из нее победительницей. Надпартийная всенародная власть ни в какой республике не возможна.

При столкновении Хмельницкого с Конецпольским у короля оказались коротки руки, и уповавшему на него Хмельницкому пришлось бежать. Этот побег был им, очевидно, заранее продуман, т. к. он поскакал в Сечь не с пустыми руками. В его седельных сумках были тайные грамоты короля к запорожцам, выкраденные Хмельницким у соучастника в заговоре, но, очевидно, изменившего Черкасского полковника Барабаша. В голове же, под красной шляхетской шапкой Хмельницкий таил широкие планы мести своему врагу, своим врагам.

Но были ли в ней мысли о воссоединении южной подъяремной литовской Руси с единокровной и единой ей Русью Московской? Этого мы не знаем. Вряд ли, шляхтич Богдан-Зиновий Хмельницкий оставался верен крулю Владиславу и Речи Посполитой, замышляя борьбу в стиле своего века лишь против своих личных врагов. Тоже обычное в Польской республике дело.

Шляхтич тягается с магнатами

Заурядным человеком своего века Хмельницкий, конечно, не был. Политик широкого масштаба соединялся в нем со смелым и вместе с тем осторожным, расчетливым полководцем.

Прибыв в Запорожье, беглец огласил там королевские грамоты, поманул вольницу обещанием привилегий, добычи, указал на возможность союза с Донским казачеством и Крымскою ордою, установил согласие с атаманами и тотчас же, в марте 1648 г., организовал свой собственный штаб на соседнем с Хортицей Томаковском острове, а сам, не теряя ни минуты, поскакал в Крым и там, поклявшись в верности хану на его ханской сабле, оставив заложником сына Тимофея, заручился помощью мусульман, зная, конечно, во что обойдется эта помощь населению русских земель, по которым пройдут его ордынские союзники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.